

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

ЯНТАРНАЯ
БУСИНА

О. В. Кузьмичева-Дробышевская

ЯНТАРНАЯ БУСИНА

ЛИРИКА

Казань
2017 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус) 6-7
К89

***Книга издана
при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации.***

***Автор искренне благодарит своих друзей,
также оказавших помощь
в выходе в свет этого сборника.***

К89 Кузьмичева-Дробышевская О. В.

Янтарная бусина. *Лирика.* / О. В. Кузьмичева-Дробышевская – Казань: ИДЕЛ-ПРЕСС, 2017 – 192 с.

«Янтарная бусина» – третья поэтическая книга Ольги Кузьмичевой-Дробышевской. Ольга пишет о природе и о любви. Эти две вечные темы лирической поэзии выражены в книге самобытно и убедительно с точки зрения художественности. Они преломляются через характер и жизненный опыт автора – разносторонне одарённой современной женщины, пишущей не только стихи и прозу, но и музыку.

Ольга Владимировна, обладая обострённым зрением и тонким слухом, всматривается и вслушивается в окружающий мир, пытаясь найти ответы на вечные вопросы о смысле жизни, о месте музыки и поэзии в ней.

КРАСОТА СЛОВА И МУЗЫКИ

Поэзия Ольги Кузьмичевой-Дробышевской – удивительно нежная, доверчивая и мудрая душа невесты, жены, сестры и мамы. Невеста – юная и красивая. Жена – любящая и заботливая. Сестра – добрая и понимающая. А мама – чуток усталая и седая.

Дружелюбие и приветливость чувства поэтессы, её искренность и явь житейская в слове очаровывают тебя и как бы внезапно помогают тебе взглянуть на самого себя и вроде – заново встретиться и «поздоровкаться» с собой же.

*Коварным снежком
зима дорогу к дому покрывала,
разлуку с дружком
сулила, но секрет она не знала:
я крепким стежком
дружку на память метку повязала,
горячим стишком – молитвою его оберегала.*

Потрясающе! Разговорно, беседливо, с повествующею пронзительностью и молитвенной радостью рассказывает поэтесса или героиня стихотворения суть происходящего. Ей присуща народная манера общения. В чувствах к любимому – счастливый восторг. К семье – преданность и уважение. К России – верность и служение.

Книга «Янтарная бусина» – талантливая, умная, зовущая тебя в родной край, к родным берегам речек и к зелёным холмам отчих просторов. Ощущение Отечества определяет уровень призвания. Мать с отцом и Господь наградили Ольгу Кузьмичеву-Дробышевскую творческим даром стихотворца и музыканта, певицы и философа, наградили щедро. В её коротких рассказах, вдохновенных прозаических рисунках, в её исповедальных стихах нет ни одного неаккуратного слова, нет ни одной холодной или тормозливой фразы.

*Ты взгляни на мою ладонь
и слегка прикоснись, нежно тронь
не ума откровенную линию,
а морщинку судьбы моей длинную.*

*Рассмотри на ней совпадение
наших жизней – сердец перекрестье,
неслучайную точку – мгновение
встречи нашей... И всё ж – мы не вместе.*

Лирика О. Кузьмичевой-Дробышевской – русское национальное слово о Родине, народе, общечеловеческом достоинстве и о нашем времени: то солнечном, то хмуром, обязывающем всех нас хранить авторитет народов и государства. Вот из рассказа Ольги: «Дорога. Странная эта дорога, трудная, долгая: Вологда – Коноша – Кулой... – Костылево... – Котлас... Холодно. Колет холод. Гудят колёса, их скорбный басовый мотив напрягает, разрывает душу. Гудят, гудят... Гул... ГУЛАГ!.. Что здесь? Кто здесь?.. Здесь был этап, здесь был ГУЛАГ. Под каждой шпалой – сколько жизней?!»

Быть предельно честным – святая доля поэта. Но и вёселых откровений в книге немало. Они взбадривают и воо-

душевляют тебя. Ольга, учась на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А. М. Горького, творила, читала и пела, выступала и дискуссировала с коллегами: её приглашали и слушали, знали и ценили опыт её и слово. А опыт и слово человека – едины. Её одарённая душа и сердце – приятны и полезны людям, а её слово – энергия и свет жизни!

*Кто мало страдал,
печали не знал –
слеза того мелкая льётся...
Кто много страдал,
пожил, повидал –
тот чаще других смеётся.*

Медленно и внимательно читая книгу Ольги Кузьмичевой-Дробышевской, я благодарно вспоминал стихи Людмилы Татьяничевой и Новеллы Матвеевой, Ольги Фокиной и её, Ольги Кузьмичевой-Дробышевской, сокурсниц: Нины Поповой, Антонины Спиридоновой и Людмилы Снитенко.

Книга «Янтарная бусина» – сердечный и красивый подарок, преподнесённый нам с вами талантливой поэтессой. Я желаю Ольге радости, вдохновения и успехов!

Валентин Сорокин, лауреат премий –
*Ленинского комсомола, Государственной
РСФСР и имени А. М. Горького,
Международной Шолоховской
и Всероссийской им. С.А. Есенина.
г. Москва.*

ГАРМОНИЯ – МЕРА ВСЕГО

Что первично, что изначально – слово или звук, поэзия или музыка? В Евангелии написано: «В начале было Слово». А мудрый Пушкин устами своего персонажа из «Каменного гостя» изрёк: «Одной любви музыка уступает, но и любовь – мелодия...»

Есть ли тут противоречие? Да нет же! Всех желающих убедить в этом я отсылаю к речи Александра Блока «О назначении поэта», произнесённой 11 февраля 1921 года на торжественном собрании в Доме литераторов в 84-ую годовщину смерти Пушкина. Вчитайтесь, вслушайтесь в гениальные мысли, актуальные всегда и всюду: «...поэт приводит в гармонию слова и звуки...», а гармония «...есть согласие мировых сил...»!

Не зря говорят: талант – это и Божий дар, и тяжкий крест. «Роль поэта, – вновь и вновь убеждает Блок, – не лёгкая и не весёлая; она трагическая...» С такой меркой и надо подходить к человеку творческому. Ах, если бы! Но поэту (музыканту, художнику) невозможно уклониться от своего предназначения, независимо от того, какое время на дворе, какое общество вокруг. Избежал этой участи – значит, не поэт...

Нет особой нужды представлять публике как в Татарстане, так и в России Ольгу Кузьмичеву-Дробышевскую – она активная участница многих знаковых литературно-музыкальных событий, на которых выступает с чтением собственных стихов, с проникновенным исполнением собственных песен. Она сое-

диняет в своём творчестве слово и звук, строку и мелодию, поэзию и музыку. Не сомневаюсь, что истинные знатоки и ценители (а не те, кого считали «чернью» Пушкин и Блок) по достоинству оценят её новую книгу «Янтарная бусина». Стихи Ольги по природе своей музыкальны. В них присутствует интонационная ясность. Не эту ли ясность Лев Николаевич Толстой определял, как «удовольствие ума», что, в отличие от мнений приверженцев исчерпавшего себя постмодернизма, не отменяет, а усиливает смысл написанного, изображённого, прозвучавшего?

*В безропотном падении листа
я слышу звук дрожащий клавесина.
Осенняя мелодия проста,
как голая, озябшая осина.*

*Во всём сквозит сиротская тоска,
щемящая ледком, и в глянце лужи,
и солнца живописного мазка
не видно на холсте предзимней стужи.*

*Последний лист, как ржавчина клейма,
осенним настом впаянный в холстину
уснул, — и не звенеть уж клавесину.
Басами вьюги ухает зима...*

В этой акварели, написанной нужными словами в нужном порядке, отчётливо слышна осенняя мелодия. Так, без особого напряжения (на первый взгляд) создаётся художественный образ. Сколько душевных усилий это потребовало на самом деле, знает только автор.

Стихи в «Янтарной бусине» перемежаются миниатюрами в прозе. И в миниатюрах главенствуют лаконизм,

череда точных художественных деталей и многозвучие – неотъемлемые свойства той же лирической поэзии, равно как и музыки: *«Июньский ливень, короткий и щедрый, пролился слезами счастья.// Воздух наполнился робким щебетанием птиц, густым ароматом цветущих тополей и тёплым материнским запахом земли, набухшей от желанной влаги.// Природа, как влюблённая женщина, засияла благодарной улыбкой, отразившейся в небе радугой»...*

Две другие миниатюры из книги Ольги я вообще считаю шедеврами. Это «Северный жар» и «Янтарная бусина». В них, помимо лирической наполненности, всерьёз присутствуют родовая память («любовь к отеческим гробам») и болевая память («любовь к родному пепелищу»).

Всё это обещает появление и лирической прозы в творчестве Ольги. Чем не примеры для неё русский классик Иван Бунин (поэт!) или недавно ушедший, явно недооценённый земляками и соплеменниками Рустем Кутуй (тоже поэт)? Недаром она уже выпустила два полновесных тома художественно-документальных произведений, в которых немало лирических отступлений.

Звуковые волны, о которых упоминал Александр Блок, не проходят мимо души и сердца поэта, композитора, певицы Ольги Кузьмичевой-Дробышевской. Ради служения поэзии и музыке она способна найти своё единственно точное слово, услышать свою неповторимую мелодию. Пусть поиски гармонии продолжаются!

Николай Алешков, поэт,
заслуженный деятель искусств
Республики Татарстан

Россыпь
неказистого цикория

* * *

Я не прошу любовь как милость –
она, как жизнь, дана мне Богом.
И что бы в жизни ни случилось –
любовь пою высоким слогом.
Вот только ноты мироздания
ещё читаю так нетвёрдо
и сердцем, словно в оправданье,
ищу к мелодии аккорды.

2000 г.

* * *

Россыпь неказистого цикория
неба отражает синеву.
Ах, давно с судьбой своей не спорю я –
просто с благодарностью живу...

Помню город, стройки жизнь кипучую.
Помню поле, рожь и родники –
там девчонка звонкая, певучая
песенки вплетала в васильки.

Жаворонок флейтою небесною
трели рассыпал в зените дня –
и была земля девчонке тесною,
и душа рвалась к нему, звеня.

Каждый колосок тянулся выше и
силой наливался золотой,
и, казалось, травы песни слышали,
и парил с мелодиями зной.

У подножья рощицы цикорием
зацвёл берёзовый альков –
василькам подмигивая, вторили
переливы синих огоньков.

Может быть, тогда, судьбы не ведая,
связывая туго стебельки,
девочка вняла наитью верному –
с музыкой из слов плести венки.

2004 г.

Сон

Натянулось в сутках-пяльцах
небо — чёрной ночи ткань,
и, как дырка в одеяльце, —
в нём луна.

— Мой милый, глянь:
до окна — судьбы порога —
льётся лунная дорога.
Мимо крыш и фонарей
поднимаюсь я по ней.
Ты, объятый сном, молчишь.
А полуночная тишь
увлекает к небу, к свету,
прохожу я в дверцу эту...

Светотенью — Три Лица
(золотятся три венца,
взор божественный спокоен),
говорят между собою
обо мне... но я не слышу,
улетаю выше, выше:
заглянуть бы в те глаза
и проникнуть в тайну, за...
Как легко парить в лучах!
Растворяюсь. Где же страх?
Чую — тайна где-то рядом!..
Не выдерживаю взгляда,
Бог мой... Ты прости, прости.
Дальше мне нельзя идти?
Тает ночь, тропа редет,
и восходом небо зреет.

Раз ещё взгляделась в высь –
то ли голос, то ли мысль:
– Возвращайся ты домой,
там – люби. Люби и пой...

Лунная закрылась дверца.
– Милый, здравствуй,
спишь, друг мой?
Слышишь, бьётся,
бьётся сердце.
Я вернулась.
Я – с тобой.

2000 г.

* * *

Горят фонари уставшие.
Проспекты унылы ночные.
Молчит тишина, сковавшая
сердца, словно лёд — мостовые.

Рассвет не спешит с надеждами,
разлука — что смерть — не прошена.
Рассвет не вернёт нам прежнего —
что в ночь на распустье брошено.

- Мне больно!..
- Не плачь.
- Так просто?..

Мы, терний в пути не знавшие,
по льду семеним... Не звёзды —
горят фонари уставшие.

1981 г., 2016 г.

Туман

Туман — стеною на дороге.
В оцепенении дома.
И я — в тумане и тревоге.
Мне чудится, схожу с ума:
я вглядываюсь —
воздух — вата;
я вслушиваюсь —
тишина;
я задыхаюсь...
Виновата?
Но в чём?
Что я понять должна?..
Я буду ждать:
ещё немного,
туман осядет не спеша
слезами
на мою дорогу.
Но что же плачешь ты, душа?
Туман — стеною на дороге,
и мне темно
среди бела дня.
Душа,
что знаешь о тревоге
и помнишь,
что не помню я?..

1981 г., 2016 г.

Ворон

Пасмурно. Перед окном сидит ворон — гордо и как-то по-особому крепко сидит на пышной ветке старой берёзы. Ветка слегка покачивается под его тяжестью. Он — не шелохнётся, даже головы не повернёт ни в мою, ни в какую другую сторону: лишь глаз его остро блестит, как старинная чёрная бусина из чешского стекла.

Тихо. Юная трава вокруг берёзы — окрепшая, упругая, — дерзко пробилась сквозь прошлогоднюю опавшую листву, уверенно покрывая следы былого, отшумевшего.

У распахнутого настежь окна жду: когда птица пошевелится, когда полетит?.. Долго жду. Застыла. Ворон тоже застыл, как будто спит: уютно ему в молодых листьях в безветренную погоду, покойно. Но... глаз-то — блестит!.. И вдруг: вижу не берёзу, а огромную новогоднюю ель. Игрушки с неё давно сняли, осталась лишь одна свеча — обгоревшая, прикипевшая к зелёной ветке. А вокруг, на ослепительном снегу — много-много ржавых, будто обугленных мёртвых ёлочек, жертвенно брошенных к ногам теперь уже разоблачённого праздничного идола...

Я вздрогнула... Глаза слепит солнце. Ветерок играет ветками дерева. Радостно трепещет сочная листва — веселится берёза без ворона.

И что такого было в этой птице?

2013 г.

* * *

Я тебя никогда не забуду...

А. Вознесенский

Если встретишь любовь другую, —
расскажи, ничего не тая:
отпущу я тебя, всё пойму я,
боль моя — не твоя, не твоя.

А любовь сохраню — гербарий,
с ароматом иссякнет и боль,
слёзы высохнут. Буду губами
долго чувствовать горькую соль.

Но судьбу проклинать не буду,
за тебя помолюсь от души.
Я тебя никогда не забуду...
Ты меня разлюбить не спеши.

1997 г.

Яблоко

Двери скрип...
и на ветке — плод.
— Посмотри, —
ты сказал мне, — вот,
листьев шорох,
поток лучей,
счастья ворох —
бери скорей!..

Соком налит
прозрачный плод,
дразнит, манит,
к себе зовёт:
к тайне чувства
и красоте,
и к безумству,
и к наготе...

Плод вкушу,
и забрызжет смех!..
Согрешу,
если это — грех.

1998 г.

Храм

Я прошу тебя, милый, запомни:
тот осенний загадочный лес
был как храм, что крестом колокольни
дотянулся до синих небес;
и в бездонную высь куполами
кроны сосен над нами взметнулись,
и любовь пела колоколами —
в эту песню с тобой окунулись;
крепче юности зрелость пьянила
и дарила нам нежность и боль —
ты запомни всё это, мой милый,
всё, что было со мной и с тобой.
Не зови нашу встречу случайной,
даже если по воле небес
не наденем колец обручальных:
храмом поздней любви стал нам лес.

1998 г.

Романс

Сгущаются чёрные тучи,
от боли душа холодна.
Любовью меня ты не мучай,
уж лучше я буду одна.

Не в силах понять, что ты хочешь?
И ликом печальным луна
мне дарит бессонные ночи...
Уж лучше я буду одна.

Когда-то любовь опьянила,
теперь не хватает вина –
забыть не могу тебя, милый,
уж лучше я буду одна.

Разорваны пёстрые маски,
и выпит бокал мой до дна.
К чему мне терзанья и сказки?..
Уж лучше я буду одна.

Любовь не проходит. И всё же
разлука близка. Чья вина,
что вместе остаться не можем?..
Уж лучше я буду одна.

1998 г.

* * *

Ах, простите меня. Простите
за любовь, не любовь — измену.
Виновата... но не вините —
мне свобода аукнулась пленом.

Я искала в полёте — паренье
и в мелодии звёзд — высоту.
А как страшно-то — без вдохновенья,
ввысь поднявшись, упасть в пустоту.

Что нашла? Потеряла? Не знаю.
За ошибки сполна плачу
и удары судьбы принимаю,
всё мне кажется — вольно лечу...

1999 г.

* * *

Ошибки — шипящие змеи..
То дрожь, то огонь по ночам.
Обиды, потери, измены,
их боль — сединой по плечам,
и совесть — палач — убивает.
Мой ангел, где был ты, скажи?..
И грех — вот он, змей! — призывает
любовь в адвокаты лжи.

2003 г.

Канун зимы

Ничем не нарушаемый покой
витает в осторожном ноябре.
Нависло небо — доставай рукой.
Туманна тишина в пустом дворе.
Листва приникла намертво к земле,
напившись леденеющей воды,
а вечером в фонарно-сизой мгле
ни лучика не видно, ни звезды...
С утра — за город! В призрачном лесу
шаги мои по хвое прошуршат.
Давно осины сбросили листву.
А сосны? А у сосен — иглопад...
И сквозь туман из леса, на простор,
берёзки вышли, встали тесно в ряд,
уже не греет их листвы костёр —
в прозрачной роще бледные стоят.
В канун зимы притихший лес люблю —
верхушками он тянется до звёзд.
Нарушу тишину: «Эй, Лёля-лю!..»
И птицы — вдруг взлетят? — с остывших гнёзд.

2002 г.

* * *

За окном — не зима и не осень,
будто лжёт на стене календарь.
Разве было такое и встарь?
Но об этом кого теперь спросим...
Вон, рассвета тяжёлая ртуть
и свинцовая тяжесть заката...
Объясните же мне кто-нибудь,
в чём пред Богом душа виновата?
Всё смешалось, всё — наоборот,
не добраться до правды, до сути...
Но во всей этой тягостной смуте
в сердце лучик надежды живёт:
вот ударит мороз на Крещение,
солнце осветит день спозаранок,
встрепенётся душа, как подранок,
и потянется к выздоровленью.

2006 г.

Ледяной дождь

Конец октября выдался морозным: температура воздуха неожиданно упала до десяти градусов ниже нуля. Да, именно неожиданно, потому что бабье лето, отступив в тёплом сентябре, вновь вернулось в остывшем октябре и торжествовало золотыми днями до самой его середины. И вдруг...

Однако согласно календарю уже давно прошёл Покров день, а значит, снег и морозец — явление законное. И раньше в наших краях на Покров частенько выпадал первый снег. Издревле белоснежное полотно на земле сравнивали с покровом Богородицы. Сравнивали и с подвенечной фатой, даже примета в народе бытовала — чем больше снега выпадет в праздничный день, тем больше свадеб случится в этом году; да и сам праздник всегда все старались провести как можно ярче. Вот и мы с Верой, несмотря на нечаянный мороз, сели в машину и смело отправились за яркими впечатлениями в Москву. Вера — поэт, сказочница, кроме того, ещё и опытный водитель. Нередко мы бываем в разных городах: Вера читает, я пою — неплохой творческий тандем.

От предчувствия добрых встреч настроение было приподнятым. И погода вдохновляла солнечным морозцем. Чистый прозрачный воздух, потемневшие после уборки и уже уснувшие поля, полупрозрачные притихшие леса, весёлые на их фоне сосенки и ёлки — всё вокруг безмятежно желало нам доброго пути. Но лишь только осталось позади милое Свяжское раздолье, как потянувшиеся просторы Марий Эл и Чувашии оказались не просто заснеженными, а покрытыми толстым панцирем льда. Виды — удручающие. Целые рощи, придавленные тяже-

стью неведомой силищи, почти лежали на земле. Заледенелые берёзы обездвиженными дугами горестно склонялись к обочинам. И асфальт в ледяных колдобинах напоминал не дорогу, а схваченную внезапным морозом реку с застывшей вздыбленной рябью.

Вера сбросила скорость. Мы, ошеломлённые, ехали молча, с единственным желанием — скорей оставить злополучные места. Но картина за окном становилась всё мрачней и мрачней. Повсюду, куда хватало глаз, из ледяного наста разреженным частоколом торчали сломанные деревья, точно обрубленные жестоким дровосеком.

— Будто костлявая косою прошла, — горько выдохнула Вера.

Я промолчала. Закрыла глаза. Потом вновь посмотрела в окно: порушенный лиственный лес сменили молодые сосны и ели — они мне показались похожими на заблудившихся инопланетян, — стояли, как обречённые, скованные серебристыми скафандрами...

Колдовскую нереальность тяжёлого зрелища усилили ранние сумерки. Мы поехали совсем медленно. А стремительно опускавшаяся ночь заставила ещё сосредоточенней вглядываться в трудную дорогу. Свет фар продолжал вырывать из темноты следы небывалой стихии.

— Сфотографировать бы всё это, — неожиданно прозвучал хриплый голос Веры. Она осторожно остановила машину у обочины, расчехлила мобильный телефон и вышла.

Я тоже достала фотоаппарат, но вылезать из тёплого салона не хотелось. Опустив стекло, я вытянула руки к освещённой панораме ледяного Берендеева царства и несколько раз — со вспышкой и без — щёлкнула затвором. Когда Вера вернулась и, поёживаясь от холода, уютно

вжалась в кресло с подогревом, мы полистали получившиеся кадры. Разочарованно отметили, что «глаза» наших фотоустройств не видят той глубины, не охватывают того простора, что воспринимают наши зрачки. Снимки получились блёклыми, вовсе не передающими то, что видим мы... и уж тем более — что чувствуем.

— Ладно... — махнула рукой Вера и сменила тему: — Похоже, до Нижнего сегодня не доберёмся... Хотя к полуночи бы очутиться в Лысково, там неплохая гостиница...

Без пяти двенадцать машина остановилась на ровной, словно отутюженной, площадке перед мотелем. Ярко горели придорожные фонари. Снег под ногами празднично искрился. Зазывно моргали разноцветные огоньки над входом в гостиницу, а жёлтые окна манили теплом. Все эти краски жизни никак не вязались с моим настроением. Вспомнилась «Песенка про пять минут»: так и зазвучал в голове озорной голос юной Гурченко. С чего бы?.. Может, оттого, что снег здесь какой-то волшебным образом нарядный?.. Что много-много простых, порой даже пустых слов этой песенки, как лёгкие снежинки в свете фонаря, выются вокруг одной главной фразы: «Но бывает, что минута всё меняет очень круто, всё меняет раз и навсегда»?..

Долго ли шёл этот ледяной дождь? А сколько теперь лет понадобится, чтобы природа восстановилась?.. Целые леса! Страшно...

Однако уютное тепло гостиничного номера, искренняя — не дежурная — улыбка дежурной, вкусные запахи кухни рассеяли тревожные мысли. Напившись горячего чая, мы блаженно рухнули в чистые постели.

— Будильник заводить не будем, надо выспаться... Я так устала, — протяжно зевнула Вера...

Утром солнечные лучи, тоже за ночь отдохнувшие, весело светили на дорогу. Следы отбушевавшей стихии теперь встречались не часто — лишь небольшими полосами: видать, ледяной дождь прошёлся здесь не сплошняком, тем самым пощадив Нижегородскую область. А может быть, дождь просто обессилел, пока сюда добрался. Берёзы уже не гнулись к земле, а лишь задумчиво склоняли тонкие макушки. Стволы и ветви отливали хрустальным блеском, а не успевшие опасть листья сверкали на солнце радужными слюдяными пластинками. Ясное голубое небо казалось покойным, ласковым, и трудно было представить, что оно способно обрушивать на землю всякие напасти.

— Странное явление — ледяной дождь... — Вера закурила и приоткрыла окно.

— Я помню такой в декабре 2010-го в Москве. До сих пор многие деревья так и не поднялись... Первый раз в жизни тогда увидела, узнала, что в природе бывает такое... Да и само понятие «ледяной дождь», мне кажется, новое... Может, это явление двадцать первого века? Ось Земли сместилась, климат изменился... А может, мы — люди — виноваты... И Андерсен свою «Снежную королеву» ещё полтора века назад написал, как предупреждение человеку, мол, загордишься — и попадёшь в вечное царство льдов...

— Что сказки?! Ведь были ледниковые периоды... Может, эти ледяные дожди — просто предвестники новой ледниковой эры, а мы — свидетели её начала.

— Может... Вот только документальных свидетельств мы потомкам не оставим, фотоаппараты вчера не работали, — попыталась я пошутить.

— Зато слово в литературе оставим, — с весёлым вызовом, успокоенная хорошей дорогой, сказала Вера.

- Ну да... Если не вымерем, как мамонты.
- Вот-вот. От мамонтов хоть бивни остались, а от нас... Интернет — не скрижали.

Мы ненадолго умолкли. Вера докуривала. А у меня перед глазами, как на фотоплёнке, всё проявлялся и проявлялся ночной чёрно-белый лес. Берёзы, застывшие в глубоких поклонах, будто молились — смиренно, тихо. Маленькие ёлочки, словно беззащитные дети, пугливо вглядывались в небо. Деревья — ни в чём не повинные — гибли... За чужие грехи... Страшно!

Вера закрыла окно. Прибавила газу и, будто подхватив мою мысль, но поддавшись солнечному настроению, перевела её в мажорный лад:

— А всё же, хоть и ледяная, хоть и страшная, а — красота-а-а!.. Согласись?

— Да, — прошептала я, голос не слушался. Чуть шевеля губами, я начала вспоминать: — Пресвятая Богородица... Покрый нас честным Твоим Покровом и избави нас от всякого зла...

- Что говоришь? — Вера не отрывала от дороги глаз.
- Красота, говорю. Убийственная красота...

2014 г.

Верую

Подтаял, упал снежный ком,
разбился крупинками льдинок.
Неужто весна за окном
с зимой начала поединок?

Окрепнуть ещё не успел
морозец январский. Прощенье
и множество благостных дел
пророчит Святое Крещение...

Но серый нечаянный дождь
заляпал и небо, и землю.
Природа ошиблась?.. Ну что ж –
как благо я это приемлю.

Пусть нет межсезонью конца,
и вечною кажется сырость,
я верую в мудрость Творца
и — что бы там ни было — в милость.

2006 г.

* * *

Пушистые шарики – воробьи
в голых ветках зимы скучают,
снег искристый в лучах встречают,
спрятав в пёрышках души свои.

Всё в округе замёрзло. И птицы
эхом жизни чуть слышным застыли,
но пока светит солнце, забыли
ледящего голода страхи.

А когда есть надежда и крошки –
детских рук безобидных забота –
полетать да пожить так охота!
Почирикать хотя бы немножко.

2000 г.

В морозный день

Зима нынче суровая, многоснежная. Трудно передвигаться по городу и пешком, и на машине: на дорогах — высокие сугробы, глубокие колеи. А вот птицам, кажется, всё нипочём. Порхают с ветки на ветку, от дерева к дереву...

Раньше я никогда не замечала голубей, высоко сидящих на деревьях. Зачастую они смело прогуливаются по дорожкам под ногами прохожих, а порой подлетают и опускаются прямо на ладони сердобольных горожан, благодарно принимают крошки и семечки. И вверх взмывают лишь для того, чтобы отдохнуть на подоконниках или спрятаться под тёплыми крышами домов. А тут сидят — большие, нахохлившиеся, раскачиваются на ветках рябин и диких яблонь; а ветки услужливо гнутся долу, радуясь важным гостям.

Правда, ведут себя птицы странно: насторожённо озираясь по сторонам, тянут шеи вниз, при этом неуклюже взмахивают крыльями, чтобы удержаться на зыбкой опоре. Зачем?..

Оказалось, голуби приступили к зимней трапезе: расклёвывая мелкие яблочки и сладкие ягоды рябин, добывают душистые семечки, как это обычно делают воробьи, свиристели да снегири с синицами. Только маленькие птички легко переворачиваются вверх лапками и, трепеща крылышками, надёжно висают под прутьями и ловко расправляются с лакомством. А голубям такая акробатика не под силу — привыкли они уверенно ходить по земле. Но, похоже, суровая зима пробудила в городских птицах давно забытые повадки предков.

Холодно... Голодно.

2009 г.

Верба

Распустила верба
семени клубочки...
Пухом вербы мне бы
вырваться из почки
тягостных сомнений,
будничной рутины,
серых сновидений
липкой паутины...

С ветром
(чем не средство?)
да с лучами солнца —
в край, где песня детства
на просторе льётся, —
улететь бы снова
да упасть в песчинки
берега родного,
прорасти вербинкой,
пропитаться соком
волжской милой поймы,
паводка потоком,
летом южным, знойным...

Пухом вербы — звуки —
в небо, как бывало!..
Я, забыв разлуки,
ветру подпевала.
А в степи цыганской
верба гнулась гибко,
да судьбу романсом
ворожила скрипка.

2000 г.

Ночь на Ивана Купалу

В зелёный венок вплетала ромашки,
любимому песню дарила свою.
А ночь растворилась в тайне вчерашней —
её не постичь... я теперь не пою...
Высокие звёзды над нами горели,
украдкой в ладони упала одна,
но жара её мы сберечь не сумели.
Холодным огнём улыбнулась луна, —
как шрам ледяной, заиграла дорожка
в молчальной воде; но всю ночь у костра
нас грели ромашки... и мне бы немножко
веночек поберечь — не пускать до утра
по зыбкой реке, — утонул... Ах, Купала!..
Последнюю песню пропел соловей:
мелодия долго в росе остывала
и стихла в горячей молитве моей.

2000 г.

* * *

Беззащитная,
обнажённая,
смелой волей твоей распятая,
утомлённая,
обождённая,
синим сном благодатным объята.

Ароматом трав,
позолотой звёзд
одеяло желаний выткано.
Ты со мною — прав,
ты со мною — прост,
мы с тобой — как иголка с ниткою.

Невесомая,
колыбелью рук
над туманом судьбы возвышена...
Я люблю тебя,
долгожданный друг,
Богом слово моё услышано.

2000 г.

Музыка ночи

И снова на мой подоконник
луны тонкий лучик упал –
не скромный, но нежный поклонник –
он руки мои целовал.

И свет проникал между пальцев,
и бледно в ночи голубел,
и вновь удалялся скитальцем
по небу искать свой удел...

Мелодия, будто по нотам,
по звёздам в тиши полилась.

Её я спросила:

— А кто ты?

— Я — лучиков звонкая вязь...

2001 г.

Встреча

В течение многих лет меня мучил один и тот же сон. Длинный коридор, с обеих сторон, на небольшом расстоянии друг от друга — высокие, наглухо закрытые двери. Узкое пространство освещали два больших окна, расположенных в начале и в конце. В этом коридоре витали запахи древесного лака, канифоли, натёртого паркета и пыли, вьёвшейся в старую ковровую дорожку. Иногда я слышала музыку. Она врвалась в глухую тишину то стройными симфоническими аккордами, то неприятным диссонансом одновременно настраиваемых инструментов. Но я никогда никого не видела. Да и саму себя ощущала бестелесной невидимкой. Я летала, металась по коридору, тщетно пытаюсь открыть хоть какую-нибудь дверь или окно. Выхода не было. И я просыпалась в глубокой тревоге, сердце частило...

Однажды у меня случилась непредвиденная поездка в город, в котором начиналась моя студенческая жизнь. Я гуляла по залитой солнцем площади и зашла в музыкальное училище, где не была ровно двадцать пять лет — с тех самых пор, когда волею судьбы уехала учиться в другой город.

Поднялась на третий этаж. И вдруг острая боль и такая же острая радость жгуче ударили мне в сердце: я вспомнила! Узнала *тот* коридор! И мгновенно почувствовала, как горячим вдохом ко мне вернулась частица собственной души, впопыхах забытая когда-то в стенах любимого училища.

В коридоре никого не было. Я стояла у знакомой двери, дышала знакомыми запахами и плакала от счастья.

Мучительный сон больше не возвращался.

2007 г.

Балалайка

*Балалайка немногострунна,
Но отзывчивая она:
Жилы в дрожь, и поёт колдунья
Восхищенье – любовь – обман.*

Андрей Васильев

Балалайку настроил мой друг.
Три струны – три желанья,
три нерва.
И замкнулся гармонии круг,
пролетев над пространством
трёхмерным:
от надежды и веры – к любви.
Не рояль – балалайка, и всё же
ты невинные струны не рви –
простота чистотою тревожит.
Не боится наивная песнь
хлопьев снежных,
дождя,
суховея,
и рождается Музыка здесь,
поднимаясь,
волнуясь,
робея...
Мы в объятьях её – летим! –
мы, как дети, легки, свободны...
Слышишь? – «ля».
Слышишь? – «ми»...
Мотив
примитивный? –
нет! – благородный.

«Ба-ла-ла...» —
птичьей трели венец.
Три струны — это мало, наверно...
Но созвучен мой голос, Творец,
этим струнам — тонким
и верным.

2014 г.

* * *

Собирая чернильные гроздья смородины,
между щедрых кустов на коленях стою
и негромкую песню о лете, о родине
вместе с птицами дачной округи пою.

К роднику в белом танце ромашки спускаются,
на ведре с урожаем сидит стрекоза,
небо с севера тучами тихо сгущается,
видно, к полудню будет сегодня гроза,

листья руки целуют душистой прохладой...
А нечаянно ягоды синь раздавлю –
тут же съем...

Большой радости, счастья не надо мне:
тихий сад мой,
смородину,
 лето
 люблю.

2001 г.

* * *

Ты взгляни на мою ладонь
и слегка прикоснись, нежно тронь
не ума откровенную линию,
а морщинку судьбы моей длинную.

Рассмотри на ней совпадение
наших жизней — сердец перекрестье,
неслучайную точку — мгновение
встречи нашей... И всё ж — мы не вместе.

Мы не вместе... Смещение линий,
как смешение счастья и боли —
шутка рыжего солнца на синем
небосклоне земной моей доли.

2001 г.

Видение

Как цыганскую шаль, распластала сорока
шало крылья над шёлком весенней травы...

Нагадала цыганка разлуку, дорогу,
пыльный шлейф от жестокой
и лживой молвы,
предсказала измену и горькие слёзы,
и удар неожиданный в час роковой, —
развела ворожбу: угрожающей прозой
мне трещали пророчества над головой.

Покружила сорока недолго над лугом
и к сородичам ринулась в чашу ветвей...

А цыганка раскинула карты по кругу,
только рядышком выпали дама червей
да крестовый король...

Диким гомоном-смехом
закричало сорочье семейство вдали:

— Никогда не гадай на любовь!..

Долгим эхом
прозвучало под небом:

— Любовью живи!

2003 г.

* * *

Ах, надену любимое платьице красное,
обхватчу крепко талию я пояском,
позабуду обиды и ссоры напрасные
и — за город, а там — по траве босиком,

по знакомой тропинке в лесу, до излучины
нашей чистой реки, да к могучей сосне
прибегу, запою свою песенку лучшую,
ты услышишь — придёшь на свиданье ко мне.

И закружатся чайки в стремительном танце,
обожжёт нам ступни раскалённый песок,
и прошепчет река: «Вам нельзя расставаться...»
Соскользнёт, заалет в песке поясок.

2003 г.

* * *

*Цветы и травы бросились
в объятия...*

Николай Перовский

Под босыми ногами прохладным ковром
в летний зной расстилается спорыш,
из-под лип и дубов за зелёным бугром
бьёт родник. Благодать! — не поспоришь.

Там на мостике лёгком, над быстрым ручьём
мы в тенёчке с тобой целовались.
Ликовали сердца. Снова вместе, вдвоём,
будто вовсе и не расставались.

Мягкий шёпот листвы, влажный запах песка,
плеск воды, увлекающий в дали,
распростёртых небес ясный взор свысока —
не для нас ли Эдем воссоздали?

Мы объятия трепетно, нежно сплели,
и вьюнки от волненья раскрылись,
поцелуи, впитав в себя силу земли,
родниками сквозь годы пробились...

Под босыми ногами прохладным ковром
в летний зной расстилается спорыш,
бьёт источник святой за зелёным бугром...
Наш родник ты не раз ещё вспомнишь.

2002 г.

* * *

Запрокинутый взор к небесам...
Я — вода, я — река голубая.
Кто же ты? Догадаешься сам? —
Небосвод мой от края до края.

То ли я разлилась в вышине,
то ли ты отразился на глади —
всё равно: мы на тонкой волне
притяженья вселенского ладим.

2008 г.

* * *

Раскрываюсь тебе — тиха,
словно ракушка перламутром.
Чистой мыслью, строкой стиха
наполняется это утро.

Благодарна судьбе за бриз —
он меня лишь ласкает песками;
за мелодию — мудрый каприс,
что так тонко поёт меж нами;

и за тайное в недрах глубин,
за улыбку Астрея Авроре,
и за то, что один — ты один —
стал моим полнозвучным морем.

2000 г.

* * *

Когда уйду я далеко,
ты отпусти меня легко,
как чайку отпускает берег.

Волной прохладною вернусь
и утолю разлуки грусть
прибоем ласковым. Я верю,

мы неразлучны, как слиянье
земли и моря, и сиянье
нас осеняет Высшей воли.

Стерпи разлуки передышку –
и встречи ярче будет вспышка...
Нет смерти. Отпусти без боли.

2008 г.

Памяти мамы

Кладбищенское поле.
Стою среди крестов.
Поверить трудно, больно:
теперь вот здесь твой кров.
Теперь сюда с цветами
иду ко дню рожденья,
иду к любимой маме
в столь тихое селенье.
Не приняты здесь песни,
а как с тобой мы пели,
лишь соберёмся вместе...
Теперь поют метели,
да ветры в непогоду
печаль холмов молчащих
возносят к небосводу
с молитвами скорбящих...
Прощай!..
Прости... я плачу:
о Боже, Крепкий, Святый,
дай силы мне, иначе
не вынесу утраты...
Родная, спи покойно.
К святым взываю:
— Пусть
душе твоей достойной
лежит пресветлый путь.

28 марта 2002 г.

В молитве

Когда уgomонится дневная суета
и тихий вечер мне обнимет плечи,
светильник отключу, расставлю свечи,
и золотистой тайной предстанет темнота.

У старенькой иконы справлю тризну,
молитве отзовутся святые образа,
живыми вновь увижу я мамины глаза,
ей тихо-тихо расскажу о жизни:

о том, что, как и прежде, у дома тополя
салютом ароматным сбросят почки,
что всё благополучно в судьбах дочек
и под ногами внука устойчива земля.

А свечи не погаснут до рассвета,
всю ночь я проведу в молитве-разговоре,
отпустит боль утраты, и утихнет горе...
Я знаю, мама, что ты рядом где-то.

28 марта 2003 г.

В гостях у города

Ясное, тёплое октябрьское утро. В старой Казани на старой липе каркает старый ворон. Казани — тысяча лет, ворону, может быть, — триста, мне — тридцать.

Что может город поведать ворону? Что может ворон накаркать мне? И сколько лет корявой чёрной липе, которая привлекла мой взгляд и приютила ворона?

Потянуло сквозняком. Люблю этот осенний прозрачный коктейль запахов: приближающихся холодов, пожухлой сухой листвы и городской пыли...

Ворон улетел.

Липа нехотя отдала ветерку последний лист.

Я вчера здесь пела, сегодня — уезжаю домой. А старый город, большой и шумный, мудро молчит и хранит тайны каждого, кто в нём растёт и стареет, ходит и летает, каркает и поёт...

И у меня вдруг появилось чувство, что все мы — ровесники, просто у каждого своё течение времени.

2007 г.

* * *

*...человек есть не что иное, как узкий мостик
между природой и Духом.*

Герман Гессе

Закрываю глаза... и вижу
тусклый свет над скоплением крыш.
Фонари. Облака. А чуть выше –
недоступная звёздная тишь.

И Вселенной туманная просинь
тем, кто слышит, поёт и поёт
о любви, что за каждого просит
и во всём бесконечно живёт.

И нисходит небес откровенье:
между тленным и вечным есть связь –
тонкий мостик — полёт сновидений
да стихов предрассветная вязь.

2002 г.

В больнице

Тень ясеня неслышно
царапает стекло.
Как будто время вышло –
в часах песком стекло.
Темно...
В хрустальных латах
пять белых хризантем
с зелёным ароматом –
любви моей тотем.
Цветы – комочки света
в осенних кружевах –
таят улыбку лета,
рассеивают страх,
мне милый передал их
с запиской: «Вместе мы»...
А за окном – бульвары
в предчувствии зимы:
на лужах – тонкий, хрусткий
ледок; и снег летит.
И без надежды грустный
фонарь стоит – разбит;
лишь редкая машина,
умчась за поворот,
напомнит визгом шины –
там где-то жизнь идёт...

Больничная палата,
открыта дверь. Горит
единственная лампа –
дежурная не спит.
И я не сплю, и ясьень
сквозь стылое стекло
мне будто шепчет: «Ясен
случится день...»
Светло...

2002 г.

Сонет разлуки

Неуверенно выводит слог рука...
Веры нет, а значит — нет надежды.
Ты ушёл. Уже не будет жизнь, как прежде.
Дверью хлопнул. Будто выстрелил: «По-ка!»

Мне ж казалось, мы повздорили слегка.
Нам бы сбросить все обиды и... одежды.
Но листаю письма старые: как нежно
в них любовью дышит каждая строка.

Холодно с утра. Дано ль весне случиться?
Знали — с юга в зиму не летают птицы.
Вновь по льду ступают люди, семена.

Вот и ты ушёл за дальний перекрёсток —
за предел моей судьбы. И ветер хлёсток...
Разгорелись письма. Мёрзну у огня.

2002 г.

Ты вернёшься

Мерно тикает будильник
в тёмной комнате. Не сплю,
лень зажечь в углу светильник,
шорохи в ночи ловлю.
Потянулся кот у двери:
март — бродяге не до сна.
Только я пока не верю,
что за окнами весна.
Ты уехал так внезапно,
проводила впопыхах,
только твой остался запах
на подушке, на губах...
Вдруг — надеждою — по шторе —
свет от фар скучным огнём...
Может, горюшко — не горе?
Встреча будет новым днём?
Вот и кот уже — на крыше.
Я — бегу весне в объятья
и кричу тебе — услышишь?
— Возвращайся, буду ждать я!

2002 г.

Серебряная пыль

Как в картинах Шагала,
я летала во сне
и по крышам шагала,
город спал в тишине.
Отдалялись проспекты,
меркнул свет фонарей,
только лунный прожектор
мне сигналил: скорей
поспеш, выше — чудо! —
в мире звёзд ночи нет,
ты поймёшь — отовсюду
только свет. Только свет!..

А мой город не слышал —
были своды глухи,
но откуда-то свыше
нисходили стихи
и серебряной пылью
оседали на лист...
На серебряных крыльях
я неслась — и неслись
мимо звёзды. Плутала
в млечной их пелене...
Как в картинах Шагала,
Я летала во сне.

2008 г.

* * *

Под солнцем, распутившим косы русые,
из тучи-невидимки тёплый дождь
посыпался серебряными бусами,
и бросило траву июня в дрожь.

В саду калитка скрипнула, захлопала.
Промчалась стайка испуганных стрижат.
И слышно, как упруго листья тополя
под каплями пружинят, дребезжат.

Девчонка с рыжим бантом,
 в рыжем платице,
на нитке — жёлтый шарик, вся — легка,
ручонки вскинув, смехом заливается,
а шарик улетает в облака.

И я, как будто рядом с нею, бóсая,
заверченная в эту кутерьму,
вся мокрая, с распущенными косами
бегу навстречу детству моему.

2005 г.

После дождя

Июньский ливень, короткий и щедрый, пролился слезами счастья.

Воздух наполнился робким щебетанием птиц, густым ароматом цветущих тополей и тёплым материнским запахом земли, набухшей от желанной влаги.

Природа, как влюблённая женщина, засияла благодарной улыбкой, отразившейся в небе радугой.

А еле заметный ветерок нежно скользит по моей коже и, как в детстве, то ли шепчет мне на ухо — «во-ля», то ли выдыхает моё имя — О-ля...

2005 г.

Лесной сонет

В городе пыльно и душно –
чисто и ясно в осеннем лесу.
Благоговейно добычу несусь:
грузди, лисички, волнушки.

Лето уходит послушно,
нить паутинки блестит на весу,
тонкой вуалью туманит красу
полдень на тёплой опушке.

Лес наполняется тихой прохладой,
светлой печалью осеннего лада,
песнь сочиняет финальную.

Только грустить о финале не надо –
душу одарит лесная баллада
щедростью дерзкой, прощальнойю.

2004 г.

* * *

В безропотном падении листа
я слышу звук дрожащий клавесина.
Осенняя мелодия проста,
как голая, озябшая осина.

Во всём сквозит сиротская тоска,
щемящая ледком, и в глянце — лужи,
и солнца живописного мазка
не видно на холсте предзимней стужи...

Последний лист, как ржавчина клейма,
осенним настом впаянный в холстину,
уснул — и не звенеть уж клавесину.
Басами вьюги ухает зима.

2004 г.

Утро

Морозное оранжевое Солнце медленно поднимается над Волгой. Река парит, туманом окутывая степь. Косым глазом Луна из последних сил проглядывает сквозь пелену сверкающего инея, который заполонил собою пространство и неподвижно завис в воздухе.

Застыла и тишина. Ничто её не нарушает: ни лай собак, ни скрип шагов, ни птичий возглас. И ни одна веточка не дрогнет и не обронит маленькой снежинки. Даже пушистый седой камыш не шелохнётся в заснеженной низине... Всё вокруг оцепенело. Кажется, что и Солнце примёрзло к горизонту.

2005 г.

Стихи

Сыплется, сыплется северный снег
с неба бесцветного, скучного,
еле ползёт безнадежный рассвет –
раненый страж без подручного...
Острою болью стучат в висках
ревность и одиночество,
прячутся боль и тоска на листках –
вот и сбылись пророчества...

Сердце остудит сквозняк стихий,
сгинут смятенье, сомнение:
выплесну мысли, сложу стихи –
станут стихи спасением.

2005 г.

Стежок-стишок

Стежок за стежком
сшивала лоскутки для покрывала,
стишок за стишком
на лист бумаги душу изливала.
Мне было легко
играть словами — их перо шептало,
летать высоко
в мечтах, но вот... бумаги стало мало.

Иголки ушкó
сломалось вдруг, и ниточка застряла.
И всех лоскутков
мне хватит ли на это покрывало?
А было легко
играть узором — ткань сама играла,
летать высоко
в мечтах, но вот... мечты мне стало мало.

Коварным снежком
зима дорогу к дому покрывала,
разлуку с дружком
сулила, но секрет она не знала:
я крепким стежком
дружку на память метку повязала,
горячим стишком — молитвою его оберегала.

Стежок за стежком,
стишок за стишком,
ах, как нам легко
летать высоко.

2006 г.

Ива

Ива, ива милая,
листья распусти,
косы свои длинные
долу опусти.

Пусть они, зелёные,
нежно шелестят,
парочки влюблённые
в тени их сидят.

Взгляды завидущие
(Господи, спаси!),
сплетни вездесущие
мимо пронеси.

Ты, родник у берега
со святой водой,
оберегом верным будь
от беды любой...

Суженого встречу ли?
Где любовь найду?
Может, синим вечером
к иве подойду

и шепну таинственно:
— Ивушка, сестра,
где он — тот, единственный —
из чьего ребра...

2006 г.

* * *

Зажги меня, как
свечу.
Огня любви так
хочу!
Я в нём сгорю, хо-
хоча!
В твоих руках я –
свеча,
в твоих руках я –
огонь,
и жгу я твою
ладонь –
в ней жаркой слезой
плыву,
в медовом пылу
живу.
Храни тонкий свет
от бурь!
Взгляни, лишь глаза
сощурь:
он ярче зарниц
в ночи –
любовный наш луч
свечи –
стремится звезду
достать
и светом бессмертным
стать.

2006 г.

Малина

Сладку ягоду рвали вместе...
Из песни

Чуть коснёшься ты ягоды спелой –
вмиг осыплется нежно в ладонь.
Ах, малина!.. Я падала смело
в руки милого, только лишь тронь.

Как поили прохладую росы!
Раздевал нас полуденный зной,
расплетались в траве мои косы,
небосвод укрывал синевой.

Звёзды падали тихим салютом,
и звенели сверчки о любви,
мы касались её абсолюта,
тайники раскрывая свои.

Но умолк перещёлк соловьиный.
Милый мой, ты забыл о любви?
Но не высохли соки малины,
только высохли слёзы мои.

Ветер с севера. Лето отпело...
Ах, когда ненадёжна ладонь,
не касайся ты ягоды спелой.
Не воскреснет любовный огонь.

2006 г.

* * *

***В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.***

Николай Рубцов

Ты вслух читал любимого Рубцова.
Лицо сияло. Книжный лист дрожал.
Я слушала, следя за каждым словом,
как нервно взгляд за строчками бежал.

В твоё окно ноябрьский ветер лютый
бил прутиками плачущих берёз,
в той музыке печальной, в те минуты
мы оба были счастливы до слёз.

Пока стучат сердца в дыханье близком,
пока звучат рубцовские стихи –
да будет путь высок под небом низким
и вечен час, и прощены грехи.

2006 г.

* * *

*Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.*

Анна Ахматова

Я не могу двоих любить!
За что, о Боже, эта мука?
Притворства грех и долг, и скука,
что легче, кажется, не жить.

А как не жить? Когда и в пытке
ты не откажешься от встреч,
когда желанны губы, речь,
и целый мир — в одной улыбке.

Что нам начертано в судьбе?
Не знаю я, и ты не знаешь,
но ты с женой мне изменяешь,
я с мужем не верна тебе.

2006 г.

* * *

Уезжал, умолял:

— Только жди меня,
я вернусь, о любви не забудь...
А вернулся — назвал чужим именем,
и внезапно померк Млечный Путь.

Сердце сжалось от жгучего инея
слов... и ласк ядовитых, как ртуть...
Ты назвал меня чужим именем
и отныне моё — забудь.

2006 г.

* * *

Прошу — не надо, не целуйте
озябших пальцев на ветру.
И не желайте. Не ревнуйте.
Нет-нет, сама слезу сотру.

Она от ветра накатилась,
от ярких звёзд в холодной тьме...
Вчера любовь звездой светилась,
сегодня — умерла во мне...

Но вы жалеть меня не смейте!
Сквозь эти слёзы на ветру
со мною вместе смейтесь...
Смейтесь,
когда и я в любви умру.

2006 г.

Сонет Дон Жуану

В окне узоры чертит иней,
а ручки шариковой след
в тиши мне тайно шепчет имя
твоё, мой Дон Жуан — поэт.

Бездонной ночью чёрно-синей,
отринувши небесный свет,
вошла тоска. И холод зимний
пронзает комнату. Ответ

тебе пишу. Была желанной
твоею музой — Донной Анной,
теперь прощаюсь с дивной ролью.

Любовь — не грех, и я не каюсь...
Но к прежней роли возвращаюсь —
жены замужней — с болью.

2006 г.

Заклятие

Я отрезала косы,
в них недавно серебряной нитью вплетала любовь.
И оставила в прошлом
наши яркие дни безрассудных, горячечных встреч.
Покрывало разлуки
обгоревшей листвой шелестит на остывшей тропе.
Я боюсь оглянуться
и так близко увидеть призывно кричащий твой взгляд
и, как тень за тобою,
облик той, что меня ненавидит, ревнуя, клянёт,
ты послушай, как страшно! –
только стоны тоски – и твои, и мои, и её...
Я отрезала косы,
задыхаясь в дыму злобной зависти, гулкой молвы.
Может, время излечит,
возвратит меня к жизни и даже к любви, но... с другим.
Только память!.. Вот ей бы
пожелала я смерти – она неотступно со мной
гудом старой шарманки, –
ни дождём, ни снегами, ни сном не избыть её, нет.
Отпусти меня! Слышишь? –
небо рухнуло камнем, и в прошлое нету пути.
Я отрезала косы.

2006 г.

* * *

Сильный ветер. Гудят провода.
Вновь метель.
Я тебе не ответила «да» –
только дверь
заскрипела петлёй. Слышу стон
мне вослед,
и звезду уронил небосклон
тихо в снег.
Вот и окна погасли в домах,
город стих.
Как любовь передать на словах,
может, стих?..
Ухожу. О любви умолчу –
рифмы нет..
Я разлукой за тайну плачу,
мой поэт.

2006 г.

* * *

Вот и пришла осенняя усталость –
холодной серой мороси пора.
Настигла беспросветная хандра.
Так хочется огня, хотя бы малость...
Но пламя согревает не любое,
остались мне отчаянья мольбы.
Раскачивая маятник судьбы,
скитаюсь между болью и любовью.

2006 г.

Солнечное эхо

Конец октября. Затяжные дожди. Пронзительно стылый ветер срывает охапками жёлтые листья с берёз. И ветви, ещё вчера торжественно звеневшие прощальным золотом, теперь сиротливо зябнут. А наш дворик стал вдруг просторнее. Но какими бы сильными ни были порывы ветра, листья, отяжелевшие от влаги, далеко не летят, а прилипают к чёрной земле, сбиваясь вокруг деревьев в яркие островки, которые тихим эхом отдают холодному дню тёплый свет забытого солнца.

2007 г.

* * *

Я хочу, чтоб на вашем лице
озорно заиграли смешинки,
а на вашем замёрзшем крыльце
вдруг растаяли разом снежинки.

И тогда на порог босиком
я ступлю, как девчонка, бесстрашно,
и упругим сорвёт сквозняком
занавески сомнений вчерашних.

Вы меня не прогоните прочь?
Ах, простите, но ваша улыбка...
Кто я вам? Не жена и не дочь,
не сестра... Я — желанная скрипка.

Запою — хлынут слёзы и смех,
с жаром солнца смешается вьюга...
Кто сказал, что любовь — это грех,
если созданы мы друг для друга.

2007 г.

* * *

Эх, порвать бы струны на гитаре,
да её — на щепки, как доску!..
Дал ты, Боже, пару каждой твари,
мне же дал вселенскую тоску
да в придачу голос, будто свет.
Только вот услышала когда-то:
«Если голос дан тебе, поэт,
остальное — взято».

2007 г.

Одиночество

Как зябка в тишине осенней тьмы.
Лишь снег стучит в стекло – тяжёлый, липкий,
как будто пиццикато* нервной скрипки
частит о неизбежности зимы.

Окно напротив светом маяка
пронзает сети веток оголённых,
в нём вижу силуэты двух влюблённых...
А в сердце у меня лишь маета.

Знобит. И у беды – скрипичный строй,
звучит каприс Никколо Паганини.
И ревность источает колкий иней,
и душу рвёт подпиленной струной.

2001 г.

* Пиццикато – игра на струнах смычкового инструмента щипком.

* * *

Скупишься ты на ласки, речи,
тебе, быть может, невдомёк:
моей надежды тают свечи,
мне мал супружеский паёк.
С тобою рядом стало зябко,
и стынет солнце в том окне,
где кухня. Быт, кастрюли, тряпки
не разжигают пыл во мне.
Я устаю и остываю,
и к жизни гаснет интерес.
Виновен в этом кто — не знаю,
ведь справа — ангел, слева — бес.
Уж двадцать лет служу послушно
семье: жена, подруга, мать.
Но почему-то стало скучно
без страсти век свой доживать.
Ты не скупись на речи, ласки!..
Морозцем тронуло стекло.
Вот так неслышно, без огласки
уходит из дому тепло.

2007 г.

Маленькое скерцо

Маленькое скерцо в сердце
стук-стук.
Распахнулась дверца, слышишь,
друг? Друг,
приходи, не мешкай, — время
тик-так,
разбросало вешки судеб
не в такт.

Что-то
не так.

Ты со мной простился, слышишь,
на-бат –
колокол взбесился, стонет
Ар-бат.
Яркие витрины будто
кост-ры,
счастья именины были
прос-ты,
прош-ли,
прос-ти.

Ах, любить немножко — грех-то
боль-шой,
скатертью дорожка! Я — за
ду-шой,
что летит — не глянет, будет
рас-ти,
сердце не обманет слово –
мой стих,
ле-ти...
Прос-ти.

2010 г.

Кружева
голубиных следов

Солнечная морзянка

Утро. Лежу в постели, — выходной. Сквозь жалюзи тянутся ко мне яркие лучи — улыбчивые, словно пришла весна, — так и норовят пощекотать меня за нос. Я сощуриваюсь: «Привет, очень вам рада», — мысленно говорю им, переворачиваюсь на другой бок и закрываю глаза. Но сна как не бывало. Правильно! — ведь в сердце уже солнечным зайчиком запрыгала радость. «Поиграем: кто кого?..» — натягиваю на голову одеяло.

Вдруг явственно: «Тук-тук-тук...» Откуда?.. В комнате — никого... и я глубже утыкаюсь в подушку. Но снова — «тук-тук-тук» — уже настойчивей, с каким-то нетерпением даже. Догадываюсь: звук — за окном, на балконе. «Кто стучит ко мне в окно? Видишь, дома нет никто», — вспоминается забавная прибаутка из детства. Встаю, поднимаю жалюзи... и солнце торжественно брызжет в глаза. А стук не утихает. Нехотя открываю балконную дверь и выхожу. А-ах!!! Бодрит, однако, когда встанешь босиком на ледяной пол! А солнце-то, и впрямь, не по-зимнему пригрело. «В фев-ра-ле зи-ма с вес-ной по-встре-ча-ли-ся впер-вой», — весело, ритмично прозвучало в голове... А снаружи: «Тук-тук, тук-тук-тук...» Да откуда же это? Поёживаясь и переминаясь с ноги на ногу, выглядываю за перила и... уже над самой головой — да так громко, как будто тот, кто частит барабанной дробью, обрадовался моей сонной моське — раздаётся: «Тук-тук-тук!» Взглядываю наверх. Вот оно что! — две озорные синицы, сидят на козырьке и наперебой старательно тукают клювиками.

Я им:

— Привет.

— Тук... — птахи проворно поворачивают чёрно-белые головки на мой голос, приветственно вспархивают, словно делают реверанс, вновь садятся и принимаются за своё важное занятие: — Тук-тук-тук...

— Ну вот, — вполголоса бурчу я, — солнышко не суме-ло вытащить меня из постели, так вы, синицы-озорницы, заставили подняться да ещё принять закаливающие про-цедуры.

Возвращаюсь в комнату, закрываю балкон. Тепло, хорошо! Прохожу на кухню... И здесь слышно птичью морзянку. И тут — мысль: «Может, они проголодались?..» Достаяю из холодильника и нарезаю свежее сало (знаю, лесных птиц солёным кормить нельзя, иначе они погиб-нут от жажды). Надеваю тапочки и вновь выхожу на зали-тый солнцем балкон. Кладу белоснежные, словно сахар-ные, кусочки на перила и прячусь за косяк.

Подружки, не раздумывая, слетают с козырька и набра-сываются на лакомство, а я, притаившись, наблюдаю. Мне кажется, что хитрые их глазки заблестели ярче, клювики будто заулыбались, а довольные белые щёчки да жёлтые брюшки важно распушились.

— Пи-пи-пи!.. — звенит птичье «спасибо».

— Вам спасибо, не дали проспать первую оттепель.

2014 г.

* * *

Кружева голубиных следов –
на асфальте, на тонком снегу,
словно вязь неразгаданных слов
херувим обронил на бегу.
А поэт подобрал... как в бреду,
в городском лабиринте домов
он упавшую с неба звезду
отыскал среди птичьих следов.
И на лист, отражающий свет,
лёг узор – по наитию – прост...
Голубиный завьюжило след,
а стихи долетели до звёзд.

2011 г.

* * *

Держи меня! Я — странница. Держи.
Вяжи любовью — накрепко вяжи!..
Слетело с безымянного кольцо,
и камешек рассыпался пылью,
осколки сердца замели снега,
зовут меня другие берега..
Свободу пью, как зелье наркоман,
до боли в глотке, до саднящих ран,
разъела жилы воля, будто ржа.
Безумец! Не удержишь птицу-жар.
Ищи мои следы во млечной мгле —
поэту мало места на земле..

2010 г.

Птица

Весна. Ясное утро. Цветёт сад — буйно, словно на него опустились облака, наполненные сладковатым запахом влажной земли и сочной травы после ночной грозы, и радостным щебетом птиц.

Ты и я — в старинном загородном доме с высокими мраморными колоннами, огромными арочными окнами, распахнутыми настежь.

Стою у окна. Ветерок развеивает моё длинное белое платье. Распущенные волосы нежно щекочут лицо. Я смотрю на тебя, улыбаюсь.

Ты тоже в чём-то светлом. Стоишь, прислонившись к косяку широко открытой витражной двери, её старинные петли тихо поскрипывают от сквозняка. Ты смотришь на меня, улыбаешься.

Молчим. Словно боимся нечаянным словом спугнуть небывалое счастье, что вместе с утренней свежестью волнами разливается по комнате. Мы растворяемся в дыхании пространства, будто две вольные реки, влившиеся в огромное море, имя которому — Любовь.

Радуемся: друг другу, солнечному утру, отдохновению после страстной ночи. Мы наконец-то вместе...

Вдруг в комнату влетела птица. Метнулась под потолком в один угол, в другой и села, будто упала, на зеркальный паркет, как раз посередине между мной и тобой. Её раскрытый клюв и трепетание крыльев выдавали то ли испуг — неожиданно закончился стремительный полёт, то ли напряжение от его недавней высоты.

Птица бросала короткие взгляды то на меня, то на тебя, словно хотела сказать что-то важное. Она — чуть больше

голубя: перья, похожие на золотые чешуйки, ярко горели в косых полосках солнечного света; а глаза, как большие стразы, металы из глубинной синевы быстрые стрелы огня. Чудо.

Мы замерли.

— Сейчас её поймаю, — громко шепнул ты.

Я вздрогнула:

— Не надо.

— Почему?

— Не надо...

— Выпущу её.

— Она сама... пусть успокоится...

Я медленно присела на корточки, чтобы хоть как-то приблизиться к птице, рассмотреть. Клюв — уже сомкнут, пёрышки перестали дрожать. Она повернулась в мою сторону, сделала несколько шажков и замерла, будто вслушиваясь в тишину. И на самом деле, стало так тихо, словно дом укрыло невидимое ватное одеяло и заглушило все до единого звуки. Затих и сквозняк. Я не шевелилась и, кажется, не дышала. Птица сделала ещё пару шажков... вдруг вспорхнула и села мне на колени... я осмелилась слегка её погладить... она спокойно приняла прикосновения... тогда я нежно обняла её ладонями... она доверчиво поджала лапки и легла мне в руки, как в колыбель... живое тепло разлилось под пальцами, я почувствовала нежное, но настойчивое биение сердечка... ещё мгновение — и это биение пульсом передалось мне в вены...

Я встала, бережно прижимая нечаянную гостью к груди, повернулась к ясной голубизне в окне, вытянула руки вперёд и раскрыла ладони. Птица оглянулась, бросив мне в сердце жаркие синие стрелы, и улетела.

Снова потянуло душистым сквозняком. Зашелестела листва. Зазвенели пичуги. Тихо скрипнула дверь.

- Что это было? — задумчиво спросил ты.
- Не знаю, — так же ответила я и вышла в сад.
- Ты далеко? — взволнованно спросил ты.
- Не знаю... — так же ответила я.

2011 г.

* * *

Я — рябина, спелая и стойкая.
А мороз разлуки подсластит
кровь мою и губы стыло-горькие,
ты вкусишь их яд, гордец-пиит.
И прольётся жаркий сок
сквозь алый щит,
и займётся заревый костёр,
и для губ твоих, восторга алчущих,
стану я из всех земных сестёр
лучшей...

Только мне пророчил давний сон —
быть рябиной у дорог твоих,
со стыда сгорать,
глушить молитвой стон, —
горькой ягодой ронять твой стих.

2010 г.

* * *

Снова ягоды рябин
выстывают на ветру.
Не кляню тропу судьбы,
хоть до крови пятки тру,
хоть разбито сердце вдрызг.
Но покуда я жива,
хватит мне рябинных брызг,
чтобы пить любви слова,
чтобы ими врачевать
слёзы терпкие в пути...
Больно ягоды срывать,
но больнее — не идти.

2011 г.

* * *

Попросила:

— Богатства дай, Бог...

И отмерил мне Бог сто дорог.

Я их в косу тугую вплела
и торить своё счастье пошла.

Каждый пройденный путь-волосок
словом падал в большой туесок,

что судьбою зовётся моей –
он с годами полней и полней:

превращается слово в добро,

а коса от щедрот – в серебро.

Только звона не слышно монет,

только не было денег и нет.

Что ж, махнула рукой: ну и пусть,

с ними путы одни, а не путь.

А богатство такое в душе,

что и денег не надо уже:

выше гор золотых мой полёт –

не монетой там платят за вход.

2012 г.

* * *

Собака в сугробе лежит.
Собака под вьюгой дрожит.
На морде простуженной — снег,
но теплится взгляд из-под век...

Вокзал. Поезда. Суета.
Бродяжья душа — сирота,
заложница вольных путей
без снов, без любви, без затей.

В вагоне сажу у окна,
мчит поезд в метель. Я — одна.
И сердце на стыках стучит.
И вечность навстречу летит.

2012 г.

* * *

Странную песню колёса поют –
поезд вошёл в поворот.
Странное счастье — дороги приют,
странник лишь это поймёт.

На примиренье похожи пути.
И предначертанный круг
вновь замыкают горячим «прости»
рельсы от встреч до разлук.

2011 г.

* * *

От Москвы по Сибирскому тракту,
от судьбы, от тебя, на Казань я
еду... Ветром вослед: «Где ты? Как ты?
Без тебя быть — одно наказание...»

И любовь — перелётная птица —
в маете меж Москвой и Казанью.
Мне ж свобода цыганская мнится,
только что о свободе я знаю?

Держит тяга — по кругу, по кругу —
в центре сердца растёт напряжение,
и чем тоньше дорог натяженье,
тем сильней притяженье друг к другу.

2013 г., 2016 г.

Дорожное

Ельники — стеною,
в небе — Голубь Ноя —
свет звезды родной:
мне — на юг, домой...
Глядь, уж север ждёт,
снежный след поёт:
Гончих Псов спираль
манит, манит вдаль...
А потом — восток,
западный свисток,
каждый перегон
наяву, как сон...
Мчится поезд. Мчись!
Ты, душа, держись:
вот он, мой перрон,
с четырёх сторон.

2015 г.

Северный жар

Дорога. Поезд настырно, но по-сиротски одиноко врезается в снежный простор. Вдоль обочин — вековые тёмно-зелёные, в богатых белых шубах, царственно мудрые ели. Многие они повидали, многое знают, оттого-то темны, оттого-то тяжелы их лапы, надёжно укрывающие земные тайны — так и чудится их глухая поступь, их глубинные мистические звуки, умиряемые мощью леса.

Макушки некоторых деревьев оголены, будто почти-тельные хозяева то ли приветственно, то ли задумчиво сняли меховые шапки перед этой загадочной дорогой. Удивительно: верхушки елей напоминают тянущиеся к небу маленькие маковки церквей, и венчают их крестики тонких упругих веток. Сколько печали во всём, сколько надежды, вот-вот послышится многоголосье далёкого молитвенного звона.

И рельсы — две въевшиеся в снег нити хрупкой, но цепкой жизни, напряжённо гудят: то, вдохновляя, зовут за собою состав, то, понукая, тянут его к далёкой таинственной цели. Один поворот, другой, почти без остановок, на Север...

«Тук-тук — тук-тук, тук-тук — тук-тук...»

Сажу у окна. Далёкое солнце отбрасывает длинные фиолетовые, словно в тональности си-минор, тени деревьев. Они грустно тянутся за лесом — там, где его сплошная стена изредка прерывается, будто заканчивается проведение одной из главных тем органной фуги. И непонятно, то ли, играя свою тихую побочную мелодию, тени боятся оторваться от родных елей, то ли стремятся убежать в равнинное, манящее белизной приволье. Красота! Она вливается в меня вечной музыкой, которая и радуется, и тревожит душу.

Вдруг, у кромки леса, по-над сугробами, — белая птица, похожая на вяхиря, но не вяхирь: совершенно белая, только на кончике веерного хвоста — узкая полоска, словно пришитая поперёк чёрная ленточка. Птица летит. Спешит за поездом. Не мерещится ли мне она? Нет — вижу! И не только вижу, а как будто слышу в высоком регистре органа её стремительный мятежный полёт. Она летит напротив моего окна, рьяно машет крыльями. Машет, машет, не отстаёт. А колёса жёстче, быстрее стучат, стучат, гремя басами главной темы. А птица всё летит и летит, безустанно, упрямо...

Зачем ей этот поезд? Кто она? Может быть, чья-то душа? Заплутавшая. Неуспокоенная.

«Тук-тук — тук-тук, тук-тук — тук-тук...»

Дорога. Странная эта дорога, трудная, долгая: Вологда — Коноша — Кулой... — Костылево... — Котлас... Холодно. Колет холод. Гудят колёса, их скорбный басовый мотив напрягает, разрывает душу. Гудят, гудят... Гул... ГУ-ЛАГ!.. Что здесь? Кто здесь?.. Здесь был этап, здесь был ГУЛАГ. Под каждой шпалой — сколько жизней?!

«Э-тап — ГУ-ЛАГ, э-тап — ГУ-ЛАГ ...»

Птичий полёт, его шемающий сердце напев уносит мысли за их собственные пределы: белая птица с лентой траурной — чья-то душа, неуспокоенная, неуспокоенная; маковки елей — вознесённые к небу тени могильных крестов, которыми когда-то были усеяны обочины... И птица летит и летит за поездом. Может быть, хочет что-то спросить? Может быть, что-то сказать? Передать — туда, живым...

Заскрежетали колёса. Крутой поворот. Лес — в стороне. Распахнулась необъятная снежная даль, как модуляция в доминанту, как просветленье в диссонансе скорби. Птица пропала. Сбилась? Наверное, не успела. Но что

это? Впереди — на весь окоём — белая равнина с чёрной полоской тайги по горизонту. Над простором, в сияющей переливающейся дымке — огромное солнце. С двух сторон от него, на большом, но уловимом глазу расстоянии — ещё по одному огненному шару. Эти солнца чуть меньше главного, но от них устремляются к зениту высоченные радуги-крылья: вот-вот они сольются в поднебесье, вот-вот венцом охватят весь простор.

«Тук-тук — тук-тук, тук-тук — тук-тук...»

Вижу, от головного солнца в высь и в стороны, к малым солнцам, потянулись широкие радужные лучи... Проявился солярный крест... Разлился колокольный звон... Каденция... Да это же — великая Жар-птица! Священная птица Рарог, о которой вещают древние сказания. Она, словно мать, грозно и любовно, всепрощающе обнимает землю. И я слышу долгий мажорный аккорд, звучащий от глубоких басов до самых высоких пронзительных нот, — жизнеутверждающий, заполняющий и расширяющий пространство.

Дорога настырно врезается в снежную даль...

2013 г.

Другу

Игорю Темирову

Вас ждёт Владикавказ,
а мой путь — до Казани.
Не связывали нас
любовные терзанья
да жаркие слова —
вы просто рядом были.
Связала нас Москва
свободой, Млечной пылью,
ещё — Литинститут,
компаний шумных ночки.
Но знали мы — не лгут
стихов немые строчки
да грустные глаза
за дымом сигареты.
А кто-то мне сказал:
— Поверь в любви приметы...
Прощайте. В добрый час.
Ах, что за наказанье!
Вас ждёт Владикавказ,
а мой путь — до Казани.

2011 г.

* * *

***По вечерам Ёжик ходил к Медвежонку в гости
считать звёзды.***

Сергей Козлов, Юрий Норштейн

Мой рыжий ёж, мне жаль...
Мне жаль, —
и я живу ежихой рыжей.
Свобода наша — вот печаль! —
не позволяет быть нам ближе.
В Москве — разлучные дожди,
в Казани — тоже тучи низко,
рыжеет солнце в них...
Не жди,
мы всё равно не будем близко...

2015 г.

Ласточкино гнездо

Снова в пути. Снова в разлуке...

На привокзальной площади — небольшой современный магазинчик из стекла и белого пластика. Вхожу туда, чтобы купить что-нибудь в дорогу. Только переступила порог, как над головой, словно ветер — «прх-х!» И журчащий короткий колокольчик — «трик». Посмотрела под потолок и обомлела. Внутри тамбура магазинчика, у входной двери, на стене, в углу, над небольшой коробкой, к которой тянутся провода, приклеено маленькое тёмно-серое гнездо. Из него торчат, подрагивая, три круглые головки: чёрные «шапочки» опущены ниже бровей, белые щёчки важно надуты, клювики приоткрыты, словно птенцы беззвучно смеются. Глазки их — меньше булавочных шариков — смотрят с любопытством, без страха.

Мимо меня торопливо протиснулись покупатели — вошли, а затем с покупкой вышли, — я посторонилась, не сводя глаз с маленьких воронков: надо же, не бояться, будто люди — безобидные ходячие птицы... Как же они тут живут? Огляделась: дверь с улицы заботливо привязана снаружи к углу тамбура; работает только вторая внутренняя. Открыла её и вошла в пахнущее хлебом и сладостями небольшое помещение.

— Здравствуйте. Давно они у вас? — спросила я продавщицу, кивнув в сторону гнезда.

Строгое лицо женщины приветливо просияло. Хозяйка нагнулась над прилавком, привычно облокотилась и ласково посмотрела сквозь стеклянную дверь на своих «постояльцев».

— Второй год, — она в улыбке поджала губы. Пару раз кивнула, подтверждая свой ответ, и тихо добавила: — Угу...

— Странно, обычно воронок гнездо строит у каменных стен, редко даже у деревянных, а тут — пластик... Неужели второй год?

— Ага... в прошлом думала, случайные залётные гости, а нынче вот — снова... Похоже, одна и та ж парочка.

— Никто не обижает?..

— Какой там... шмыгают туда-сюда и не видят их в высоком-то уголку...

— А как же ночью?

— Так мы ж круглосуточно... Мамашка ихняя... думаю, — она это, не различишь их... так вот она всегда остаётся. А папашка иногда где-то гуляет... тепло, дверь не закрываем, а как быть?.. Пожа-алста, летайте... тут им хорошо-о, — протянула довольная разговором женщина, — не льёт, не дует, чё ещё?.. Мошек всяких полно, окраина всё ж...

— Умные птицы, — согласилась я.

— Приноровились... хм, — покачала головой хозяйка, любовно глядя на птенцов, — забавные карапузы...

Выходя из магазина, я ещё раз посмотрела на маленькое чудо: скоро, наверное, встанут на крыло... Вспомнилось: «Край земли. Полоска дыма тянет в небо, не спеша. Одинока, нелюдима вьётся ласточкой душа»...

Эх, забыла сделать попкупу, но это неважно.

2014 г.

* * *

Метки-родинки клейми,
поцелуями считай.
Что разлуки для любви?
Мы — гонцы крылатых стай.

На лету меня лови,
ты под небом больше люб.
Что разлуки для любви?
Всё растопит пылкость губ.

Только пальца не кольцуй —
не хочу терпеть клейма.
Только к песне не ревнуй —
без неё сойду с ума...

Только в храме не споют
«аллилуйя» нам с тобой:
мы — скитальцы, наш приют —
купол неба голубой.

2011 г.

* * *

Любовь —
одна на двоих.
А боль —
своя у каждого.
Душа —
одна на двоих.
А сердце —
своё у каждого.
И песня —
одна на двоих.
А голос —
свой у каждого...
Солдатами
были в любви,
войну вели
отважно мы.
Но если любовь —
война,
то смерть —
своя у каждого.
А чья в той смерти
вина,
моя иль твоя —
не важно.

2011 г.

Качели

Воздух пахнет солнцем раскалённым.
Пух летит лениво тополиный.
Скрип качелей... И глаза влюблённых:
неба синь — его, её — маслины.

Вверх и вниз, и снова вверх, и — выше, —
и уже заходится дыханье,
и уже вот-вот сердца услышат,
что в глазах давно горит признаньем...

Летние сугробы не растают.
А когда остынет пыл цветенья, —
вспомнят облака, как пух летая,
дымку тополиного кипенья.

2010 г.

* * *

***Времени у нас часок.
Дальше — вечность друг без друга!..***
Марина Цветаева

Осколком украденной ночи
разбился о раму рассвет.
И день стал темней и короче,
и тенью — гортензий букет.

Иллюзией счастья исчезну,
никчёмный прерву разговор
и кану в разлуку, как в бездну.
Любовники? Нет! Каждый — вор.

А новая ночь разольётся
густым изволеньем «Мерло»,
мне в сердце тихонько толкнётся
всё то, что вчера у-мер-ло.

2010 г.

* * *

Мучает вопрос, но не отвечу —
для чего июньский день зелёный
подарил нечаянную встречу?..
И душистых лип шумели кроны,
и звенел трамвай, мелькали лица,
Чистый пруд манил густой прохладой,
и вертелся старый диск столицы
первою шопеновской балладой...

Подшутило небо надо мною?
Не отец, не брат и не жених ты...
Перед золочёным аналоем
плачу, а в душе всё тот же Рихтер
звуки зажигает, словно свечи,
и молитва дышит белым зноем...
Помнишь день зелёный, синий вечер?
Я тогда была тебе женою.

2011 г.

Кленовый лист

Плавно кружась,
в пике
красный кленовый лист
пал...
Подняла.
В руке
он не остыл...
Тенист,
думала, будет путь
бабьим осенним
днём...
Листик земле на грудь
падал,
в моей — огнём
вспыхнул:
горячий зов
свергнул тоску
и стынь;
звоном — и неба кров,
побагровела синь.
С севера на
закат,
с юга и на
восток
ветер вскружил
не так
листьев шальной поток, —

к небу
летя, в пике
счастья листок
не скрыл.
С ним улечу,
в руке — в каждой —
волненье крыл.

2011 г.

* * *

Не режь мне крыльев, муже,
ты сам их подарил,
когда в шальную стужу
любил меня... любил...
Не рви окрепших перьев.
Сама когда-то их
сжигала — да, поверь мне, —
в очаг бросая стих.
Стихи горели жарко,
питая дом теплом,
и было их не жалко...
не жалко... Но потом,
науку я вкусила —
разжечь сердечный пыл,
теперь уже не в силах
сдержать стихийных крыл.
Теперь моя судьбина —
лететь стихам вослед,
иначе я остыну:
без крыльев жизни нет.

2012 г.

* * *

Опавших тихих листьев пью прохладу,
последние деньки — ах, бабье лето.
Пчела жужжит над клевером — нет сладу —
обманчиво тепло, нектара нету.

Обманчиво тепло. Но вызов брошен:
молюсь на берегу я Осенине,
судьбы на берегу — он круто сложен —
я оберег черчу на грубой глине.

Черчу на глине радость. Что же ясень
грустит, теряя листья в день Аповов?
Грустит... А неба свод ещё так ясен!
Я верю в лето бабье, в бабью осень.

2012 г.

Центон

Александрю Киселёву

А на реке такая тишь,
какая лишь перед рассветом.
Так мудро ты, мой друг, молчишь,
и я молчанием согрета.

Уютно мне с тобою быть,
мурлыкать-петь бездомной кошкой
и, не давая взору стыть,
тереться о твои ладошки.

Уютно мне с тобою быть...
А в сердце — лишь печаль, усталость.
Тебе так хочется любить,
а мне мечта одна осталась —

любовь, похожая на дым:
дать волю ей — её не станет,
весенним ветром молодым
вскружит, обнимет и... обманет.

Что станет с тобой, со мной?..
Ты — добрый ангел, ты — хранитель!
И я шепчу тебе: «Друг мой,
ты не входи в мою обитель».

2012 г.

Рассвет

Солнце медленно поднимается над спокойным простором Чёрного моря и жарким светом вливается в изумрудно-лиловую воду. Я замерла на берегу, у самого обрыва высокой кручи, развела руки в стороны: вот-вот они превернутся в крылья и...

Щурясь, вглядываюсь в горизонт. Солнце будто дразнит меня, зовёт к себе — только шагни! Но тут же и удерживает плотным потоком света. И радужный свет разливается музыкой — она проникает в сердце, до ломоты распирает грудь, щемит душу непостижимой тоской по открывшемуся вольному простору и... по тебе.

Чем выше поднимается солнце, тем ярче звучит мелодия — слышу «Песню половецких девушек». Сначала — высокий голос: «Улетай на крыльях ветра»... А вот — и низкие виолончельные звуки, словно загудели глубинные тягучие воды, что сдерживают таинственные силы морской стихии. И снова пронзительно тонкие — скрипичные, словно солнечные блики заскользили по звенящим, устремлённым ввысь струнам: «Там, под говор моря...» — «Там так ярко солнце светит...»

Я закрыла глаза. Вместе с музыкой и светом плавно и легко, став невесомой, поднялась над берегом. Высота восхитила. И я вдруг поняла: для того, чтобы лететь, не надо махать руками, как птица крыльями, не надо никакой суеты — только мысль! — она поднимает над привычной твердью...

Открыла глаза... А душа уже — там, где «под знойным небом негой воздух полон... где было так привольно нам с тобою»...

2013 г.

* * *

Шум прибоя, гортанные возгласы чаек.
Я у моря рассветы, закаты встречаю:
под лучами цветёт мой раскрашенный зонтик.
А по небу плывут, пристают к горизонту
челноки-облака: их в горах утром рано
снарядили руном, серебром из тумана
длинноиглые сосны — реликты Кавказа...

Раньше на море я не бывала ни разу,
но срываются ветром, на солнце горят
так стремительно листики календаря...
Мне пора. Распрощаемся, Чёрное море,
я тебя полюбила и, может быть, вскоре
вновь приеду: не зря так похожи на вкус
мои слёзы и брызги твои. Я вернусь!

2007 г.

Закат

Приближается ночь. Пурпурно-огненное солнце склоняется к горизонту: чем ниже солнце опускается к морю, тем больше сверху и снизу оно сплющивается, вытягиваясь в овал — его очертания напоминают укутанного в одеяло ребёнка, как будто кто-то невидимый, медленно покачивая, укладывает его в мягкую колыбель...

А чайки! Что с ними случилось? Они большой стаей расселись бок о бок на берегу, у самой воды, так близко друг к другу, что и крыльев, кажется, не раскрыть. Чайки замерли, и все, как одна, устремили клювы в одном направлении — на солнце, словно оно их заморозило, и они боятся пошевелиться, нечаянным движением или возгласом разбудить его — этого засыпающего ребёнка.

Вот и колыбельная: волны размеренно накатывают на берег, неторопливо перебирая камушки. В тихом дуэте вода и земля о чём-то перешёптываются, о чём-то ведомом только им: и безмятежный плеск успокаивает, убаюкивает всё вокруг.

Краски неба и моря тоже мягко переливаются, без конца меняются — невозможно запечатлеть хоть какую-то определённую картину; каждое мгновение акварель становится насыщенней, темней, словно море вбирает в себя вместе с солнцем и само небо.

Солнце улеглось на горизонт, немного покачалось, прощально пульсируя остывающим огнём, и величаво скрылось в глубине моря, увлекая за собой яркую дорожку на воде — утонули последние блики.

Янтарными бусами вспыхнули прибрежные фонари, и горизонт вовсе растворился в черноте ночи.

2013 г.

Этюд

Ещё не блёкнет лилий лист,
и капли льёт в саду рояль, —
вновь августовский бал лучист.
А за роялем уж не я ль?
И клавиши — чуть ли не вдрызг,
а капли нот быстры, туги,
и в пальцах ливень этих брызг
не удержать!.. И радуги
под небом августа плывут...
Рояль и лилия — тотем
любви звенящей там и тут...
В моём саду поёт Шопен.

2014 г.

Танец

Помню: в зале
звучала музыка,
за окном подпевал ей февраль...
Знать не знала
о том, что мука за
нелюбимым затянет вдаль.

А берёзка
стучала ветками,
и звенело стекло: «Берегись!..»
и неброско –
тревожно – метками
звёзды снежную ткали высь.

Отчего же,
не с тем вальсируя,
я судьбы не попала в такт?..
Отче, Боже,
и стать, и лиру я
не за грош отдала – за так.

2011 г.

Картина

Ирине Егоровой

Сквозь мартовский снег
проступил золотистый песок...
Как солнечный зайчик,
пробился на холст
одуванчик.
Художницы кисть
расписала его сарафанчик
и травки подбросила
в светлый весенний лесок.
Вот-вот
по наитию ветра
сорвутся слова,
вот-вот
разольётся мелодия
красок чудесных,
и холст оживёт,
напевая цветения песню,
и солнцами
сорная
вдруг
засияет трава.

2012 г.

Розы

Любови Сивко

Призрачны розы,
 в полдень прозрачный
дышат слезами
 прозрачной воды.
Призрачна жизнь.
 Быть свободной —
 не значит
мир осыпать
 лепестками звезды...
Срезаны розы,
 в вазе, в прохладе
дремлют, как призраки
 в тихой тоске...
Но аромат их —
 в блюзовым ладе,
в старом холсте,
 в живописном мазке.

2015 г.

* * *

Светлане Василенко

Заблужусь я в упругих ветках,
спелых ягод сорву серёжки,
сладкой косточкой вишни метко,
звонко щёлкну дружку в окошко,
и — на Ахтубу...

Ах, ты! Ноги
жжёт песок, только мы — упрямы —
с визгом — в воду...

Но окрик строгий —
из вишнёвого сада — мамы:
— Ну-ка, быстро домой, плутишки!..

...Вновь по саду бреду. Наследство —
голос мамы и смех мальчишки
в брызгах вишен — улыбке детства.

2013 г.

* * *

Весна. Весна. Морозны зори,
а днём — капель, а днём — ручьи,
и воробьи в весёлом хоре
лучам кричат:

— Вы чьи, вы чьи?!

Лучи вдруг натянулись тонко:

— Мы — струны солнца! Вот мы чьи!

Им — воробьи:

— Чудесно!.. Звонко
пощиплем вас... Чу! мы — смычки!

2012 г.

* * *

На проспектах яблони цветут,
во дворах черёмухи вскипели,
ветер лепестковые метели
закружил — снежинки там и тут,
скоро почки тополя — в салют,
наметёт сугробов жарких-жарких!..
Не подумай, мне зимы не жалко.
Жаль цветы — их дворники сметут.

2014 г.

Бомж и соловей

Три часа утра. Во дворе запел соловей — неутомимый глашатай рассвета... Невольно вспомнила старую добрую песню: «И с полей уносится печаль, из души уходит прочь тревога...» Вышла на балкон. Тепло. Звёзды померкли. Солнце ещё не взошло, но глубокое чудесно синее небо уже отражает его лучи — ещё холодные, без примеси розового, а всё же ласковые. Люблю этот горящий синий цвет. Когда закрываю глаза, часто его вижу, он дарит ощущение тихой радости...

Благоухают цветы, ароматы поднимаются до моего балкона: внизу, у подъезда будто вскипел большой сиреневый куст; у самых окон — две липы распушили белёсые мелкие гроздья; в дальнем углу двора — черёмухи и рябины, уже отцветают; а в центре — две огромные берёзы наливают соком упругие серёжки. Под берёзами растянулась, как во сне, большая скамейка, рядом отдыхает песочница, набираясь сил перед дневной атакой детворы. И над всем двором — виртуозные трели соловья. Идиллия. Даже машины, заполонившие дорогу, уютно вписались в рассветный пейзаж: нарядно, словно яркие звёзды, вспыхивают синие огоньки безмолвной сигнализации; и мне показалось, они подмигивают небу, мол, мы с тобой...

Вдруг послышался необычный шум. Пригляделась. Из дальнего угла двора по тротуару идёт человек, в руках — белые большие мешки, но мужчина несёт их легко. Стала за ним наблюдать. Он не спеша следует от подъезда к подъезду нашего длинного многоэтажного дома. Подходит ко всем урнам, проверяет их, вынимает пластиковые бутылки и жестяные банки, старательно мнёт (не ногами топчет, как это обычно делают пьянчужки, а сминаят

в руках, наверное, чтобы сильно не шуметь), и складывает в мешки. Судя по объёму ноши, поработал уже на славу. Вот и к песочнице подошёл и обнаружил там богатый «урожай»: накануне вечером вокруг скамейки стоял гвалт — «культурно» отдыхали некоторые представители нашего двора и засорили банками и бутылками не только предназначенные для этого ёмкости, но и детскую площадку. Сначала подумала: почему этот человек «охотится» на рассвете? Потом сообразила: он торопится до выхода на работу дворников — те с пяти утра начнут сметать его драгоценную добычу. И ему не до соловья...

А солнце — оно щедрое — всему дарит свет, как любовь... И лишь она «долготерпит... не раздражается... всё покрывает... всегда надеется...»

2015 г.

Пасха

Взметнулись купола. Христос воскрес!
Звенят колокола.
И сердце полнят радостные песни.
И я не умерла.
И я иду поющим пилигримом.
Апрель меня хранит.
Мелькают окна, город — мимо, мимо...
Под каблуком — звенит,
из лабиринтов тёмных переходов
зовут ступени вверх.
Пробьётся голос в долгом эхе сводов —
замаливаю грех...
Раззолочённым светом «аллилуйя»
звенит, течёт с небес.
Пронзают землю благостные струи.
Воистину воскрес!

2011 г.

Московский төрн

Узнаю этот запах: раннее весеннее солнце наполняет воздух особой смесью влаги и света, которую называю «ароматом фиолетового кварца». Неторопливо иду в сторону метро. Иду по улице Руставели. Тихо. Странно тихо. Даже редкие машины проезжают так, будто боятся развеять тоскливую, сонно-белёсую дымку утра...

В душе — баховская «Сарабанда», музыка, вторящая ритму сердца, печальная мелодия разлуки.

Вдруг в сознание проник лёгкий, еле уловимый запах миндаля, а вместе с ним ворвался весёлый воробьиный гомон. Остановилась. Оглянулась. Словно облако на фоне ещё черных лип и клёнов — пышный куст. Зацвёл терновник. Белые лепестки плотно облепили густые ветки, и невозможно стало разглядеть бесчисленные длинные колючки, которые совсем недавно сердито ёжились в снежные холода. А теперь — щедрый белоснежный цвет. Воробьёв — целая стая, заполонили куст от земли до макушки и кричат, кричат...

Весна!

Я глубоко вдохнула. Вслушалась. Взволнованно забило сердце. Весна... Хм!.. «Сарабанда» сменилась весёлой «Шуткой» — неудержимой музыкой новой встречи.

2012 г.

Москва

Девка распутная, рыжая,
с норовом дерзким — права!
Ты подлецами унижена,
продана бесу, Москва.

Снова в осенней сумятице
на перекрёстке стоишь,
спрятав распятыё под платице,
блеском фальшивым горишь.

Снова раскаркались вороны
над беспокойной судьбой.
Рвут тебя в разные стороны,
тешатся наперебой.

Огненным ливнем умылась ты
в годы лихие не раз,
но не просила о милости —
и нисходил к тебе Спас...

Время безумное катится.
На перекрестье стоишь.
В грязи и смраде, в сумятице
златом сусальным горишь...

2010 г.

* * *

Ах, август... Август на исходе
то бьёт траву небесной жижей,
то ночью ясной, вторя моде,
льёт ливнем звездопад,
и я смотрю на звёзды — вижу
большой рябинный сад.

Не отвести мне глаз от неба,
от звёзд мерцающих колючих
и падающих в ночь... о, мне бы
собрать их дерзко в горсть,
согреть до знойных нот певучих
и влить рябине в гроздь.

И будет зимняя, земная
рябина петь о небе синем,
о зорях красных, снежном рае,
о том, как хороша —
под солнцем стынувшим — России
извечная душа.

Потом с воскреснувших гнездовий
взовьются трели, с ними иже
поющая и я, с любовью
войду в родимый сад...
И небо — ближе, ближе... ближе —
рябинный звездопад.

2014 г.

* * *

Со мною вот что происходит...
Евгений Евтушенко

Со мною что-то происходит,
я окна мою в декабре —
расхлябан он, тоску наводит...
А кот мурлычет во дворе.

Запели птицы, и манулы*
ущелья бросили — зима
теплом дождливым обманула...
Я обману себя сама.

Туман тягучий тянет небо
к земле — она парит, парит,
озимые толкает хлебы,
ещё, того гляди, родит,

лишь тёплый свет дождём прольётся...
Я окна мою в декабре.
И дом светлеет. Сердце бьётся.
И кот мурлычет во дворе.

2015 г.

* Манулы — дикие коты, живущие в горах.

Сотовая связь

Чтение «мобильных признаний». Грущу.
В сердце толчки СМС не пушу.
Холодно. Колкие звёзды в ночи.
Света лучи тоже не горячи,
синий мелькает в руке огонёк –
синий капкан...

Безголосый намёк:

«Как бы любовь у нас. Как бы хочу».
Буковки ткнут сообщений парчу.
Может, укутаюсь в сети-слова,
сотовой связи закружит канва,
что и любовной-то не назовёшь...
Цепкими строчками звякает ложь.

.....

СМС-ответ:

Мне как бы жаль, как бы очень печально,
Как бы целую тебя... виртуально.

2013 г.

* * *

Е. К.

Джазовой щёткой снежная крошка — в окно,
мартовский блюз разыграла щемящая синь...
Кажется, он не писал мне давно-предавно —
вечность не слышно в емейле заветного «дзинь».
Вот и синица прижалась к стеклу, не пищит,
я не открою окно — не хочу напугать.
Грустно синееет надёжная «Виндоуз» — щит,
будто ледышка... А сердце намерено ждать.
Жду. Но иконочку «Е» позабыл Интернет.
Звёздный в небесных сетях разорвался стежок,
и пробирается в душу шуршащий снежок:
он пошутил, и не жди — не любил... Писем нет.

2016 г.

* * *

Уберегут вериги от тебя?
Да, «Оля — воля» — рифма хороша.
Но что кольца вериги для меня,
когда летит душа...

Вериги от тебя уберегут?
Да, если стать подальше от огня.
Но что огонь, когда и там, и тут
колокола, звоня,

прорезывают небо, белый свет,
да солнцем разгораются в груди.
Синицею лечу к тебе, поэт,
в руках не остуди.

2016 г.

* * *

Я — в Москве... А ты не знал:
луч звезды — той, незнакомой,
над твоею крышей дома —
был моим, твой сон ласкал.
Облаком потом, с рассветом,
издалёка-далека
за тобой плыла легка,
но не знал ты и об этом.
Помнишь, был и снегопад,
и нечаянная вьюга?
Это пела я с натугой,
неумело так, не в лад
остужала пыл влечения.
Ты прости мне приключенья.
Светом полный, тих мой взор...
От Москвы зовёт простор.
За апрелем будет май.
Лишь нестынущие крылья
неизменной стали былью.
Я — с тобой, ты знай. Ты знай.

2016 г.

* * *

Е. К.

Пью горячее вино...
Замертво — в постель,
но
весь день гляжу в окно:
белая метель,
тополиный пух — так тих,
словно ритуал
похоронный...
Белый стих
меж губами — ал,
горечью вина
слова
сорвались и сквозь —
в кровь...
И кругом голова —
мы с тобою врозь, —
красное вино не в счёт...
Рифмы хороню.
Только сердцем стих течёт
по сто раз на дню.
Если вслух произнести, —
жар меж губ!.. Смелей! —
будто спичку поднести
к пуху тополей.

2016 г.

* * *

Виолончель — души печаль,
я никогда не перестану
по музыке твоей скучать,
как по любовному роману.

Я звуку твоему покорна,
с тобой в единое сольюсь
и в пенье струн — святого хора —
умру,
 воскресну,
 растворюсь...

1998 г.

* * *

Ты далеко, и всё ж
сердце не проведёшь:
чувет оно полёт –
виолончель поёт.

И между нами — мост
из серебристых звёзд:
нотный небесный стан
ты прочитай с листа.

Ты прикоснись ко мне,
словно смычок к струне,
виолончель твоя,
милый мой, это я.

И вопреки судьбе
музыки — лёгкий — вздох,
будто смычок тебе
передоверил Бог.

2016 г.

Подарок

Иль тайна тайн во мне опять.

Анна Ахматова

Капли монотонный колокольчик
умолк, осиротел мой подоконник.
А я листаю старый мамин сонник —
не спится мне весенней этой ночью.

Разгадкой тайн шуршат в тиши страницы,
желтеющие в свете ночника...
Упала книга. Свесилась рука.
И сладко-сладко смежились ресницы...

Приморский город, здания — старинны,
восходит солнце, золотом маня,
по улице мощёной, узкой, длинной
я к морю тороплюсь, там ждут меня,
пока не знаю, кто, но сердце бьётся,
трепещет в ожиданье встречи важной.
А улица — пустынна, лентой вьётся
по городу чужому. Но однажды,
мне кажется, я здесь уже бывала,
по этим вот булыжникам, блестящим
от утренней росы, уже ступала.
Да, это было...

в прошлом?..

в настоящем?..

Со мною?

Нет, как будто не со мною,
но чувство прорывается в сознание:
я помню этот свежий запах моря
и это долгожданное свиданье...

Дорога привела меня к причалу.
А небо будто в море окунулось,
в нём утопив страданья и печали..
Я к изначальной мудрости вернулась,
услышав голос радостный, родной:
— Любимая!
— Владимир!
— Марта, здравствуй!
— Как я соскучилась!..

...О Боже мой! —
моряк широкоплечий, нежный, страстный,
он... мой отец!..

Всевышний, дай понять мне,
а кто же я сейчас? я... — моя мать?!
И я к нему бегу, бегу в объятья,
чтоб тайну тайн скорее рассказать...

Проснулась. Поняла: я *помню* это
свидание у моря, солнце, лето.
Я там была! Ещё не рождена,
но я уже была сотворена.

Под утро растрезвонилась капель,
сосульки заиграли акварелью.
Сегодня, накануне дня рожденья,
чудесный сон мне подарил апрель.

2008 г.

Апрель

Капризничает апрель: то солнцем пригреет и, кажется, вот-вот проклюнется трава, набухнут почки; то снегом запорошит, а снег от растерянности — февраль-то давно проводили! — виснет светлыми слезами на чёрных ветках липы, — они уже тёплые, пробудились от зимнего сна.

Играет апрель, раскачивает маятник природы и сам, должно быть, не догадывается, что всему вокруг вселяет веру в торжество весны.

«Скоро, скоро!..» — звенят свистели на самой высокой берёзе в нашем дворе. «Чудо, чудо!..» — кричат воробьи на балконе. «Жизнь, жизнь...» — радуется на окне первая муха...

И я ни с кем не спору, и я верю и жду.

2016 г.

* * *

Людмиле Щипахиной

Всякий раз,
 как в первый день творенья,
ситцем
 расцветут стихотворенья,
родниковой звонкой выльются водой –
улыбнутся Сын, Отец и Дух святой.
 2015 г.

СКВОЗЬ ПОТОЛОК

Снова погрузилась в темноту...
Пол неровный чувствую ногами.
Страшно. И в сырую пустоту
сердце вырывается толчками
громкими, как бешеный набат,
только нет и искорки огня,
так же, как и нет пути назад:
двери все закрыты для меня...
Вот окно!.. На цыпочках к нему
Подойду и выпрыгну в туман.
Несколько шагов... Бегу... Бегу,
руки подняла к стеклу — обман! —
голая высокая стена,
гладкая и скользкая, как лёд,
даже щели нет... И я — одна.
В горле — жар, по телу — липкий пот...

Слышу, ветер пляшет за стеной,
Здесь — удушье... может, это склеп?..
Слишком уж просторен... Боже мой,
дай хоть лучик — выбраться на свет!
Ветер, разгони ты сквозняком
эту пыль и плесень — запах праха,
вытолкни застрявший в горле ком,
вырви душу из объятий страха!

Что там: звёздный блик и шум крыла?
Небо?! — там — вверху, и голубь белый!..
Как же так, как я забыть могла,
Что летать умею?.. Смею!.. Смела!..

Мне и крылья вовсе ни к чему –
только мысль одна, она – всесильна,
надо лишь представить – быть тому...
Вот и всё... И пол – всё дальше пыльный.
С лёгкостью взываю, как листок
воздуха подхваченный потоком...
Только головою в потолок
упираюсь!.. Кто же так жестоко
шутки эти шутит?.. Не хочу
оставаться здесь! Плита – конечна!
Кулаками бью, стучу, кричу:
где же голубь, ответ неба млечный!?

Стоп! К чему пустая суета?..
Я спокойна (что со мной случилось?)
и – свободна... Сгнула плита,
я легко как будто просочилась
сквозь неё. Прошла сквозь потолок!..
На крыльце в саду, под звёздной крышей
я стою и листьев шёпот слышу...
Всё так просто, кто б подумать мог...
Господи, спасибо за урок.

2008 г.

Молитва

Приходит время озаренья
молитвой светлой, в ней — ключи
любви моей и вдохновенья, —
ты, сердце, только не молчи.
Душа, ты пой и в песне птицей
лети на свет — зовёт заря:
мелькают звёзды, годы, лица —
что было, будет, — всё не зря.
Пусть жизнь летит — в том сожаленья
нет. Господи, прости. Прости,
что было, будет... лишь паденья
последнего не попусти.
Дай со скрижалю в сердце гунна
в огонь войти и не сгореть,
и славу ангельскую зреть,
и на Псалтири семиструнной,
что было, будет — дай допеть.

2014 г.

* * *

***Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу...
Анна Ахматова***

Так вышло — я не научилась просто, мудро жить.
Молитве вторил мой язык,
но шёпот был слышней, чем крик,
когда мелодия, дыша, рвала запретов нить!

Тогда разыгрывался стих, как на ветру пожар:
горела на снегу листа,
летела за строкой — чиста:
манили Сёстры: с ними быть — пылать в огне Стожар.

Но вот очнулась... Тишь в саду... И звёзд холодный свет
горячий ветер не согрел,
на чёрных листьях — иней бел,
их жаркий след, как жалкий бред, — мелодии уж нет.

Ни лбом, ни сердцем не принять, хоть иней на виске,
и не пробить разлуки твердь,
мне быть в плену — не жизнь, не смерть, —
с душой, привязанной тобой, моя любовь, к тоске.

2016 г.

Снег в декабре

...Отрадно, любо, в ласковый зимний день упасть на чистый, ещё нетронутый снег — он манит, влечёт неодолимо. И ты падаешь, широко раскидываешь руки и глядишь в небо. Как славно, как здорово просто лежать — распростёртым, свободным. Просто смотреть! Видеть, как падают, падают пушистые снежинки: неторопливо, завораживающе. Они летят, не сталкиваясь даже в густом снегопаде, — для каждой есть место в пространстве. И невозможно проследить путь ни одной из них, они появляются, будто ниоткуда, и исчезают в никуда. И, кажется, глаза разбегаются в стремлении охватить необъятный снежный простор: он над тобой, под тобой, всюду. И уже трудно понять, то ли лежишь, то ли летишь...

Начинает слепить белизна, и ты закрываешь глаза. Но сквозь смежнённые веки продолжаешь видеть свет. А снежинки всё падают. Падают на лицо, словно лёгкие поцелуи. И тают, тают. И вот по щекам текут снежные слёзы — прохладные, беспечальные.

Если облизнёшь губы, то почувешь — именно «почувешь», в этом есть что-то изначальное, глубинное, — вкус необычайной свежести: такой не бывает ни в мартовской сосульке, напитавшейся первым солнечным теплом; ни в родниковой воде даже в самый знойный июльский полдень; ни в только что сорванном августовском яблоке; ни в осеннем дожде. Только в снеге! И вдруг — нестерпимое желание пить, пить эту прохладу... И ты пьёшь. И думаешь, что утолишь внезапную жажду. Но это только думается, кажется: пьёшь-пьёшь и не напиваешься... И не напьёшься, как невозможно напиться настоящей любовью.

Большой.

Может быть, вечной.

Просто падающей с неба.

Янтарная бусина

* * *

Обгорела душа моя,
и осыпались пеплом обиды.
Открываются новые виды
в ясном свете прошедшего дня.

* * *

Растворяюсь в зрачках
и тону в поцелуе,
и звучу,
 как в церквах
«поем Ти: Аллилуия!...»
И сжимаюсь я —
 в миг,
и вселенной взрываюсь...
Первый вздох,
 первый крик —
я сбываюсь!
 Сбываюсь!

* * *

Онемели губы –
разучились говорить –
не целуют.
Онемел язык –
разучился говорить –
не бьётся в небе нёба.
Онемели пальцы –
разучились говорить –
забыли клавиатуру...
как слепые,
тычутся в буквы,
корчатся в боли,
хотят написать тебе:
как тоскуют губы,
желая плыть лодкой,
рекою речи,
расплёскивать её
поцелуями;
как язык тоскует,
желая летать,
биться в купол
твоего нёба;
как тоскуют пальцы,
желая набрать
из бессмысленных букв,
два коротких слога,
что бьются
диастолой-систолай
в сердце –
лю-блю-лю-блю-лю-блю...
А сердце сбилось.

* * *

Я тебя люблю по письмам.
Я тебя люблю по телефону.
Я тебя люблю по скайпу.
Я тебя люблю по стихам.
Я тебя люблю по песням.
Я тебя люблю по солнцу.
Я тебя люблю по звёздам.
Я тебя люблю по снам.
Я *не могу*
 любить тебя...
 ПО ЖИЗНИ.

* * *

Рахманинов.
Паганини.
Рапсодия.
Бог мой,
как музыка пробирает!
Взвончивает душу
в зенит
и
вкручивает
в глубины солнечного сплетенья...
Ликованье.
Боль.
Гнев.
Тоска...
Вечность.

* * *

Ветер в лицо...
Хлопья снега
отчаянно бьют по щекам и губам,
но обжигаются,
растекаются влагой,
а к ресницам прилипают,
и я плохо вижу дорогу,
но иду –
знаю, ты меня ждёшь.
Молча
горячими ладонями
ты осушишь моё лицо,
жаркими губами
растопишь льдинки на ресницах,
и я увижу
свет твоих глаз – в них
пылающее
«люблю».
И пусть
обжигается ветер...

Игра света

Утром, спускаясь по лестнице, она увидела сидящего на широком подоконнике мужчину. Он жадно курил сигарету, старательно выпуская в приоткрытую форточку струи густого дыма. Заслышав её шаги, он тут же встал и отвернулся к окну, явно не желая встречаться взглядом. Это нежелание подчёркивала его нарочито ссутуленная фигура — высокая, в чёрном спортивном костюме; и волосы — густые, тёмные, почти до плеч — надёжно скрывали его профиль. Но что-то демонически-притягательное почудилось ей в мрачном силуэте, обрисованном яркими утренними лучами. Неожиданно вспомнилось: «В пространстве, хором сфер объятom, свой голос солнце подаёт, свершая с громовым раскатом предписанный круговорот...» Она ускорила шаг.

Прошла мимо, однако заметила украдкой брошенный на неё взгляд. Оступилась, как будто одна из ступенек неожиданно выскользнула из-под ноги. Молодая женщина вцепилась тонкой рукой в спасительные перила и почти побежала вниз, чувствуя, что мужчина смотрит ей в спину. «Станный... Обычно обитатели Дома творчества, даже если впервые видят друг друга, здороваются или просто мило улыбаются, мол, я ваш сосед... Быть может, он тут случайный гость, желает остаться незамеченным? Но тогда бы не курил на лестнице... А может быть, у него что-то не так с лицом?..» Спустившись к следующему пролёту, она взглянула вверх, но «тёмный» вновь отвернулся к окну. И всё же мельком она увидела худощавое лицо с большими печальными глазами, с глубокими морщинами — их ещё называют скорбными — возле плотно сжатых губ. «Вовсе не урод. Даже симпатичен. Ну да Бог с ним»...

Поздно вечером, возвращаясь в номер, она снова увидела Мефистофеля (так про себя назвала незнакомца). Он был

в том же спортивном костюме, такой же лохматый. «Просто-ял тут весь день?.. Видать, всё же не случайный гость». Однако теперь его поведение отличалось от утреннего настолько, насколько отличался от утреннего вечерний свет. Теперь мужчина стоял спиной к окну и вовсе не прятал глаз. Взгляд его уже не был печальным, а лёгкий прищур подчёркивал пристальное внимание. Она тоже не опустила глаз и даже гордо вскинула голову, отбросив за плечи распущенные длинные светлые волосы. Когда поднялась на последнюю ступеньку, незнакомец, чуть подавшись вперёд, сказал:

— Добрый вечер.

Тихий, явно сдерживаемый глубокий баритон заставил её приостановиться.

— Добрый, — спокойно ответила она и направилась к следующему пролёту.

— Сигарету? — неожиданно предложил он и, будто она уже сказала «да», вытащил из кармана спортивной куртки чёрно-золотистую пачку. Открыл, ловко встряхнул так, что одна сигарета выдвинулась выше остальных.

— Спасибо... — в её голосе слышалось сомнение.

Он щёлкнул зажигалкой. Женщина смущённо улыбнулась и положила на подоконник маленькую сумочку.

Теперь, прикуривая, она разглядела неброскую сидушку в его волосах, густые брови, уголками разлетающиеся к вискам; потом — и темпераментно подрагивающие при каждой затыжке ноздри, и длинные нервные пальцы.

— Вы здесь давно?

— Заехал вместе с вами.

Она удивлённо приподняла тонкую бровь.

— Да, просто живу тут затворником, работаю. — Он сделал паузу. — Я был на вашем вечере. Случайно... Мне очень понравилось.

— Спасибо, — сухо ответила она на банальный комплимент и уже пожалела, что закурила. Вновь тряхнула головой и изящным привычным движением поправила волосы.

Он услышал запах её тонких духов. Его спокойное лицо стало светлей, а улыбка такой, словно он не желал производить вслух то, что и так очевидно.

В этом городе у него не было ни одного знакомого человека. А близкого, хотя ему — уже сорок лет, не было нигде: ни на севере, ни на юге, ни на востоке, ни на западе большой страны, по которой он ездил и писал свой несбыточный роман... Вечером, сидя за работой у раскрытого окна, он услышал поющий женский голос, доносящийся снизу, из концертного зала. Ему показалось, что голос зовёт именно его. Он встал из-за стола и пошёл на зов летящего сопрано. В зале увидел на сцене хрупкую молодую — лет тридцати — женщину: она играла на пианино и пела. Он вспомнил, что видел её в автобусе — они вместе ехали из аэропорта. Он и тогда обратил на неё внимание, но не поверил на миг толкнувшемуся в груди чувству, как не верит неизлечимо больной в целебность лекарства. Однако теперь... её голос, простые слова, льющиеся музыкой, вдруг наполнили его сердце нечаянной радостью. Он ещё ничего не знал об этой женщине, но почувствовал её душу и поверил... однако сегодня утром не решился заговорить, словно боялся спугнуть удачу.

— Я искал повода познакомиться, но... по утрам вы убегаете, не завтракая в здешнем ресторане, а вечерами как-то не совпадали наши линии судьбы.

— Вы верите в судьбу? — она поискала, куда можно стряхнуть пепел.

Он откуда-то из-за спины с шумом протащил по подоконнику большую стеклянную пепельницу, задумчиво переспросил:

— В судьбу?

Она затушила недокуренную сигарету и утвердительно кивнула. Он тоже затушил сигарету.

— Нет, скорей, в случай, в том смысле, что всё в этой жизни не случайно...

— Светлана, — вдруг представилась она и сама удивилась. Стало неловко. Без сигареты она не знала, куда деть руки, и примостилась к подоконнику, опёршись на него обеими ладошками.

— Очень приятно, и я уже осведомлён, — он протянул руку.

— Ну да, конечно... — преодолев секундное замешательство, она решительно положила свою ладонь в его — большую и тёплую. Он слегка кивнул головой:

— Владисвет.

Имя его прозвучало так низко и удивительно близко, словно рядом завибрировала струна контрабаса. И другая невидимая струна откликнулась в груди Светланы, как будто она, как в детстве, тайком, на цыпочках пробежала через короткий тёмный коридор и прижалась ухом к двери кабинета отца. Отец — музыкант городского симфонического оркестра — строго-настрога запрещал дочери находиться в его комнате, когда он разучивал на контрабасе какую-нибудь новую партию. А Светлана больше всего на свете любила подслушивать именно эти моменты — как из робких нестройных звуков рождается новая мелодия.

— Какое странное имя, — она вскинула на собеседника удивлённые большие серые глаза. — Оно говорящее.

— Да... — он крепко обхватил её пальцы — тонкие, гибкие, будто верёвочки.

Она вздрогнула. Посмотрела ему прямо в глаза — светлые, с чёрной бездной зрачков. «Боже, да они у него раз-

ные: один серо-голубой, с чуть рыжеватыми, будто агатовыми, прожилками; другой золотисто-карий... И как беззастенчиво сверлят!» Ей захотелось высвободить руку, но его настойчивая мягкая сила не позволила этого.

Он тряхнул головой, освобождая высокий лоб от тяжёлых волос. Она почувствовала приятный запах: сквозь шлейф табака проступили нотки сандала, хвои и мандариновой корки. Тут же её охватил странный — «С чего вдруг?» — приступ мучительной ностальгии. А случайный — «Или не случайный?» — знакомый слегка наклонился к ней и, глядя в упор, глубоко вдохнул, будто пытаясь вместе с дымным воздухом втянуть и её в свои расширившиеся ноздри. Полушёпотом произнёс:

— «Не будем отравлять прекрасный этот час печальными речами, взгляни: уж солнце стало озарять сады и хижины прощальными лучами...»

Светлана поёжилась, узнав своего любимого «Фауста». Лёгкий холодок волной пробежал по её затылку, спине, до самых пяток. И она беспокоится, словно кодовые слова, прошептала:

— Но кто ты? — и почти угадала ответ.

— Я — часть той силы, что владеет... светом. — Он слегка притянул её к себе: — «И сам себя тогда я созерцаю, и вижу тайны духа моего».

Она промолчала, а невидимые струны низко, тягуче пропели: «И целовать, и умереть...»

Утром, спускаясь по лестнице, она увидела на подоконнике чистую пепельницу — в резных уголках холодными звёздами вспыхивали косые тёплые лучи.

* * *

Ты подарил мне
столько обещаний и грёз,
что хватило бы жизни на *три...*
Но не хватает и на *две*
наши жизни,
потому что мы не можем
сложить их
в *одну*.

* * *

Из пунктов А и Б
мы вышли навстречу друг другу.
Мы приближались друг к другу
со скоростью,
равной
любви...
Но в пункте нашей встречи
мы не узнали друг друга
и мимо друг друга прошли
со скоростью,
равной
разлуке.

* * *

Бездомный пёс
сидит под окном
и смотрит мне
 прямо в глаза —
так смотрит
 само одиночество.
Я накормила пса...
Радостно виляя хвостом,
он ушёл.
Одиночество осталось.

* * *

Каждый путник находит
дорогу свою,
но не каждый её проходит,
не потеряв себя.

* * *

Белый голубь –
на белом снегу,
лапки розовые стынут...
За любовь
напрасно бегу –
синей птицею покинут.

* * *

Бубенцы-свиристели
тучей облепили ветки голого тополя,
тополь согрелся и зазвенел:
— Скоро весна.

* * *

Бесстыжая рябина
раскраснелась у зимней дороги,
как девка, бросившая вызов судьбе.

* * *

На заснеженной берёзе
галдят воробьи...
Всем весело — умирает зима.

* * *

И негодное пианино
с фальшивым звуком
поёт прекрасно,
если ты
фальшиво настроен.

* * *

Утром,
в чёрной прошлогодней листве
загорелся красный тюльпан —
это ночью
упала звезда, поцеловала землю.

* * *

В наше время
грозы приобрели новую примету:
близкие раскаты грома
всегда сопровождаются
сиренными криками
припаркованных во дворах машин.
Теперь, наверное,
каждый маленький ребёнок
воспринимает это явление
как природное.

Птицы в городе

В последнее время часто вижу коршунов, величаво парящих над нашим двором. Говорят, они охотятся на котят...

Однажды, проезжая мимо городской свалки, я увидела огромную птичью стаю — она взмыла в небо...

Подумала: воробны. Оказалось, чайки...

И синицы прилетали в город только с предзимними холодами. А теперь и летом они частенько у нас гостят. Неужели и в тёплую пору в лесу им нечем поживиться?..

А воробьи?.. Они уже не ждут, когда им подбросят хлебushка: смело атакуют летние столики «Макдональдса», воруя у горожан картофель фри...

Что это — сближение с природой? Нет... Это её выживание.

* * *

Если женщина говорит,
что давно забыла
свою первую любовь,
я слышу,
что душа её
умерла.

* * *

Отброшены страницы –
что Бунин, Мопассан?..
Накрасили ресницы
и обтянули стан,
надели юбку мини,
под пяточки — каблук..
Мужчины, вы отныне
у ног стервозных сук.

* * *

Встав на высокий каблук,
хотела казаться выше,
но он обломился,
скрипнув на прощанье:
— Будь собой.

* * *

По образу,
подобью своему
Бог слепил Адама
из земли,
но
неслухом тот был...
Отец немного
поразмыслил
и
себе, Адаму
на подмогу –
из ребра его же –
сотворил
Еву,
дабы в мудрости
любви –
красоте земной
Адам
слышал сердце
и
стал ближе
к Богу.

* * *

Теперь мы живём даже очень не хило,
кругом — чистота, мы носим бахилы...
Ах, если бы знал легендарный Ахилл
защитную силищу синих бахил,
Ахилл бы напялил на пятки бахилы, —
тогда Аполлон не убил бы Ахилла.

Логика

— Ноги у тебя
неправильно кривые,
похожи на букву «Х».
— Значит, Х-хорошие! Зато
у тебя ноги —
правильно кривые,
похожи на букву «О»...
— Значит, О-очень хорошие!

* * *

Соловьи о любви молчат,
если громко кастрюли бренчат...

* * *

Хорошо с тобой вдвоём
помолчать о том, о сём...

* * *

Женщины
с большими круглыми животами,
как правило, ходят в молодости,
даруя при этом жизнь;
а мужчины
с большими круглыми животами,
как правило, ходят в преклонном возрасте,
при этом уже ничего никому
не в силах подарить.

Шерше ля фам

Удивительный язык французский –
слово дал, звучащее по-русски:
если вдруг мужчина
женским чарам сдался,
тут одна причина –
он **женировался!**

...

Мужчина – любитель **смуцать**,
а женщина – **женировать**.

* * *

По сути женщина – вьюнок,
ей нужен крепкий стебелёк...
О чём бы феминистки не кричали,
ребро Адама Ева изначально.

* * *

В школьном коридоре — третьеклассница:
спина прямая,
головка гордая — в больших бантах,
будто они — корона,
ножки пружинят,
каблочки звучно выбивают по полу
«цок-цок-цок-цок»...
Подружки почтительно
сопровождают красавицу.
Ещё бы!
Ножки её — в золотистых
танцевальных туфельках:
старых, великоватых
(видать, с чужой ноги),
давно «отплясавших своё»,
и каблочки изящные
подправлены
тяжёлыми железными набойками...
Ах, женщины...

* * *

Заложница-душа — в кольце отчаянья:
то испытание? — игра Господня?..
и словно полночь — время полдня,
и песня вдруг явилась, как молчание, —
перехватило горло мне звучание
разлуки...

* * *

Бегу, как стрелка в колесе,
по вешкам циферблата жизни,
а блата нет... Блатные все —
при деньгах, но не при Отчизне..
А бедность эта на порог
пришла, сказала:
— Улыбнись,
вари горшок..
Ей в тон — горшок:
— В чужие печи не садись.

* * *

Кто мало страдал,
печали не знал –
слеза того мелкая льётся..
Кто много страдал,
пожил, повидал –
тот чаще других смеётся.

* * *

Тупик – не конец пути,
а всего лишь конец проторённой дороги.

* * *

Голос оголяет душу..
Говорили,
говорили, –
разделись..

Выбор

У ног разверзлась бездна.
Оцепенев от ужаса,
собрав силы,
отчаянно шагнула вперёд.
Стремительно падая вниз,
оказалась в небе
высоко-высоко...
И стало светло,
и ясно:
не страх,
а упрямая сила жизни –
любовь —
даёт новые возможности;
и никогда не знаешь
на краю *какой* бездны стоишь,
пока не шагнёшь.

Высота

Ехала в автобусе. Увидела в небе большую птицу. Она летела высоко, и я не смогла разглядеть, кто это: может быть, ворон, а может быть, орёл. Полет птицы был уверенным и стремительным, но вдруг навстречу — сильнейший порыв ветра. Сейчас он собьёт её с пути: крылья начнут выламываться; не хватит сил противостоять стихии, и птица неизбежно упадёт!

И что же сделала птица? Она распластала крылья и, словно доверившись ветру, легла на поток. Он понёс её в сторону, немного назад, но в какой-то момент она, уловив невидимую опору, оттолкнулась и взмыла вверх!.. И оказалась выше потока. Отдохнув в коротком парении, она мощно взмахнула крыльями и дальше — в полёт.

Вот так и надо — выше — над страхом... над болью...

* * *

Мы с тобой живём в параллельных мирах:
у тебя — своя линия жизни,
у меня — своя.
Но пространство между нашими прямыми
намагничено
такой силой притяжения,
преодолеть которую невозможно.
И когда, вопреки всем законам,
параллельные соприкасаются,
они превращаются в молнии,
и весь мир озаряется
вспышками счастья.

* * *

Задолго до того,
как нам с тобою встретиться,
я видела сон:
в большой комнате с распахнутыми
солнечными окнами –
ты, не касаясь клавиш пианино,
играл красивую,
неизвестную мне мелодию,
а я, не касаясь пола,
легко танцевала
и пела красивые,
неизвестные мне стихи.
И музыка, и слова
сливались в дивном созвучии
и устремлялись по золотым лучам
вверх, к Солнцу...

Когда мы нечаянно встретились,
я сразу узнала тебя,
и сердце дрогнуло...
Ты не умеешь играть на пианино,
я не умею танцевать,
но между нами звучат
солнечные музыка и стихи.
И я их пою...

* * *

Когда открывается новая дверь —
предыдущая закрывается.

Когда ты в новую дверь прошёл,
она становится прошлой,
вернее —

прошлым.

Так стоит ли ею громко хлопать,
сотрясая то,

чего уже нет?

* * *

У меня перед глазами небо —
чёрное, с серым отсветом, — помнишь?
когда мы вышли из «наших» «Грабель»,
чтобы ехать на вокзал...

Ты тогда сказал:
небо будто нарисовано,
как на сцене театра...
И я не чувствовала в нём угрозы.

Да, то была настоящая
мокрая акварель.
Хотелось плакать.
Осень.

Мы с тобой прожили нашу первую зиму —
она нас познакомила.
Прожили нашу первую весну —
она нас сблизила.

Прожили первое наше лето —
оно стало Откровением.
Теперь будем проживать
нашу первую осень.

Знаешь, если человек учится водить машину зимой,
из него выходит хороший водитель.
Мы с тобой начали учиться водить нашу
«машину времени» зимой.

Мы прошли — испытали — холод сугробов,
коварство льдов, выжили в авариях...
Мы должны стать хорошими водителями:
счастливыми, удачливыми...
И дорога уже не пугает.

* * *

Пусть осудят,
но с любовью
буду жить,
живу,
жила...

Я хотела
быть с тобою,
я — с тобой —
всегда —
была.

* * *

О, радостная правда бытия —
мы вместе были, будем — ты и я.
«Вѣ есмь!» — витало в воздухе...
«Мы есть!» —
к нам на земле пришла благая весть,
света, сроднила... а потом без слов
взлетела к небу звоном куполов.

Янтарная бусина

Середина лета. Город детства. Прошло 40 лет, но... тот же знойный ветер со смешанными запахами песочной пыли, степной полыни, стойкой придорожной лебеды и разгорячённых тополей. То же необъятное белёсо-голубое небо. Та же улица с тем же сквером и фонтаном. Тот же дом...

Помню, мне было — пять. Во дворе, под окном, рос пышный куст акации. У его корней я закопала «секретик» — так мы называли одно из любимых развлечений, в котором главным было, спустя какое-то время, не забыть, где именно спрятан секрет. Потом осторожно, чтобы никто не видел, найти укромное место, присесть пониже, бережно разгрести над «секретиком» землю, легонько сдунуть осыпающиеся песчинки и увидеть самую сердцевину тайны. О, как приятно знать о чём-то таком, о чём никто не знает! Лелеять это чувство в душе, вынашивать его, выращивать до того момента, когда им вдоволь насладиться. И тогда приходит желание выплеснуть тайну, открыть кому-то секрет. Но зачем? Может быть, затем, чтобы утвердиться в своей значимости, испытать опасность, ведь секрет могут украсть, а его всё-таки хочется сберечь. Тогда кому открыть тайну? Конечно же, верной подруге. И наступал самый торжественный момент — секрет открывался. Дух захватывало!

Тот «секретик» я запомнила навсегда, потому что под тонким осколком зелёного бутылочного стекла, на блестящем конфетном фантике покоилась драгоценная слеза янтаря — капля старых бабушкиных бус. Однажды они рассыпались, и под мою кровать закатилась одна бусина.

Я утаила её, когда бабушка нанизывала жёлтые округлые камешки на новую нить.

Теперь понимаю, что бабушка догадалась о моей тайне, но ни о чём меня не спросила. Просто, пересчитав бусины, грустно сказала:

— Чётное число. Одной не хватает, а на ожерелье из янтаря должно быть нечётное количество камней — тогда, говорят, бусы приносят своей хозяйке здоровье.

— Что же теперь делать? — прошептала я, и щёки предательски вспыхнули.

— Ничего. Я просто уберу одну бусину. Держи. А если у тебя вдруг окажется чётное число камней, например, два, то подари один своей любимой подружке. Пусть и с ней янтарь делится теплом.

— Хорошо, — опрометчиво согласилась я. Камешек, скатившись в мою ладонь, будто обжёг меня. — Он и вправду очень тёплый! Он что, живой?

— Конечно, ведь он сделан самой природой, — голос бабушки зазвучал глубоко и ласково. — А природа, в любом проявлении, живая.

— А нам в садике говорили, что есть живая и неживая.

— Может быть, это и правильно. Но так считают люди. А природа? Не знаю. Если бы люди не только всматривались и вслушивались в неё, но видели и слышали, то, возможно, жили бы в согласии с ней.

— А с чем же они не согласны? — я всё крепче сжимала в кулаке бусину.

— С тем, что природа сильнее. Что она, «неживая», живёт дольше, может быть, вечно, не зря в одной большой книге сказано: «Поколение уходит, и поколение приходит, а земля остаётся на века».

— А что такое «поколение»?

— Ну, это люди, рождённые и живущие в одно время... Я принадлежу к одному поколению, моя дочь — твоя мама — к другому, ты — её дочь — к третьему...

— А у тебя есть эта большая книга? — перебила я. — Почитай мне.

— Нет. Её теперь трудно достать. Может, когда ты вырастешь, то сама найдёшь и прочтёшь...

Вскоре бабушка умерла. Как я плакала, чувствуя себя виноватой в том, что бабушка заболела и уже не выздоровела, — ведь я не отдала ей чудесную нечётную бусину.

Помню, боль жестокой ломотой скручивала тело. Она смешивалась со страшной тайной, разрасталась во мне до невыносимых размеров и, терзая, искала выхода. И выходила слезами. Я плакала, плакала, плакала... Потом вдруг догадалась: боль станет меньше, если расскажу о тайне, о янтарной бусине. Но кому? Бабушки нет. Кому же?.. Кому больше всего на свете верю — маме. В тот же вечер я во всём призналась.

Мама усадила меня на колени, вытерла слёзы и, поцеловав, тихо сказала:

— Маленькая моя, ты ни в чём не виновата. Бабушка заболела не из-за того, что потеряла бусину.

— А из-за чего?

— Из-за того, что стала старенькой. Таков закон природы: люди рождаются, живут и умирают. Им на смену приходят другие. Я — бабушкино продолжение, ты — моё...

— Да, бабушка говорила... А ты тоже умрёшь?

— И я тоже. Но, надеюсь, не скоро, а лишь тогда, когда ты вырастешь, станешь сильной, когда у тебя у самой будут дети — мои внуки.

- Значит, и я когда-нибудь умру?
- Так устроена природа. Всему своё время. Но ты не думай об этом, живи и радуйся... Я тебя очень люблю.

Мама крепко прижала меня к груди. Коснулась горячими губами макушки и, баюкая, запела знакомую с рождения колыбельную. Мелодия и мамино дыхание словно текли по моему затылку, лёгкими толчками пробивались в горло, нежно щекотали в груди, наполняя покоем. И боль утихла, растворилась в мамином голосе. Стало тепло и легко. Я нащупала в кармане бусину. Украдкой взглянула. Она перестала казаться зловещей. Она вновь засветилась маленьким жёлтым солнышком.

Прошло 40 лет. Уже нет и моей мамы. А я давно-давно живу в другом городе. Но приехала погостить в город моего детства, где меня встретил тот же знойный ветер со смешанными запахами песочной пыли, степной полыни, стойкой придорожной лебеды и разгорячённых тополей. Та же улица с тем же сквером и фонтаном. Тот же дом... Всё так же, как в детстве, только немного меньше. Теснее стали двор и сквер, более узкими — улицы, ниже — потолки в доме. Но совсем не изменились запахи, они живы, как родовая память. И таким же огромным осталось небо, даже цвет его — прежний: в полдень — белёсо-голубой, в полночь — глубинно-чёрный, с яркими стразами звёзд. Да и ночи — те же: тёплые, наполненные многоголосием сверчков и стрекотанием кузнечиков.

И пусть современные девочки не закапывают «секретики» в песок, а прячут их в памяти компьютеров иотовых телефонов. Но они испытывают те же чувства, что и я когда-то, дышат тем же ветром, ходят по той же траве,

их ступни обжигает та же горячая земля. И в фонтане так же, как и прежде, плещутся дети. «Нет ничего нового под солнцем». Нет даже времени, только течение жизни...

Помню, когда узнала, что стану матерью, почувствовала себя бесконечной вселенной. О, как приятно знать о чём-то таком, о чём никто не знает! У меня появились ещё одни глаза и уши, которые стали видеть и слышать мир изнутри меня. И открылся ещё один секрет: «глаз не насмотрится всласть, вдоволь не наслушается ухо».

Когда-нибудь приеду в город моего детства вместе с внучкой. Я открою ей «секретик» и подарю ту самую янтарную бусину.

* * *

Пою высокие ноты –
в горле прохладный ветер.
Пою в среднем регистре –
под сердцем тёплые морские волны.
Пою самые низкие ноты –
касаюсь ногами дна.
И душа – гудом –
сквозь пятки –
в землю,
сквозь темя –
в небо.
Гудит, гудит во мне
сквозная труба...
Я сбываюсь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КРАСОТА СЛОВА И МУЗЫКИ. <i>В. Сорокин</i>	3
ГАРМОНИЯ – МЕРА ВСЕГО. <i>Н. Алешков</i>	6

РОССЫПЬ НЕКАЗИСТОГО ЦИКОРИЯ

«Я не прошу любовь как милость...»	10
«Россыпь неказистого цикория...»	11
Сон.....	12
«Горят фонари уставшие...»	14
Туман.....	15
Ворон	16
«Если встретишь любовь другую...».....	17
Яблоко.....	18
Храм	19
Романс.....	20
«Ах, простите меня. Простите...»	21
«Ошибки – шипящие змеи.....»	22
Канун зимы.....	23
«За окном – не зима и не осень...»	24
Ледяной дождь	25
Верую	30
«Пушистые шарики – воробьи...»	31
В морозный день	32
Верба	33

Ночь на Ивана Купалу	34
«Беззащитная...»	35
Музыка ночи	36
Встреча	37
Балалайка	38
«Собирая чернильные гроздья смородины...»	40
«Ты взгляни на мою ладонь...»	41
Видение	42
«Ах, надену любимое платьице красное...»	43
«Под босыми ногами прохладным ковром...»	44
«Запрокинутый взор к небесам.....»	45
«Раскрываюсь тебе – тиха...»	46
«Когда уйду я далеко...»	47
Памяти мамы	48
В молитве.....	49
В гостях у города	50
«Закрываю глаза.. и вижу...»	51
В больнице.....	52
Сонет разлуки	54
Ты вернёшься	55
Серебряная пыль	56
«Под солнцем, распутившим косы русые...»	57
После дождя	58
Лесной сонет.....	59
«В безропотном падении листа...»	60
Утро	61
Стихи.....	62
Стежок-стишок	63
Ива.....	64
«Зажги меня, как...»	65
Малина.....	66
«Ты вслух читал любимого Рубцова...»	67

«Я не могу двоих любить!..»	68
«Уезжал, умолял...»	69
«Прошу – не надо, не целуйте...»	70
Сонет Дон Жуану	71
Заклятие	72
«Сильный ветер. Гудят провода...»	73
«Вот и пришла осенняя усталость...»	74
Солнечное эхо	75
«Я хочу, чтоб на вашем лице...»	76
«Эх, порвать бы струны на гитаре...»	77
Одиночество	78
«Скупишься ты на ласки, речи...»	79
Маленькое скерцо	80

КРУЖЕВА ГОЛУБИНЫХ СЛЕДОВ

Солнечная морзянка	82
«Кружева голубиных следов...»	84
«Держи меня! Я – странница. Держи...»	85
Птица	86
«Я – рябина, спелая и стойкая...»	89
«Снова ягоды рябин...»	90
«Попросила: – Богатства дай, Бог...»	91
«Собака в сугробе лежит...»	92
«Странную песню колёса поют...»	93
«От Москвы по Сибирскому тракту...»	94
Дорожное	95
Северный жар	96
Другу	99
«Мой рыжий ёж, мне жаль...»	100
Ласточкино гнездо	101
«Метки-родинки клейми...»	103

«Любовь – она на двоих...»	104
Качели	105
«Осколком украденной ночи...»	106
«Мучает вопрос, но не отвечаю...»	107
Кленовый лист	108
«Не режь мне крыльев, муже...»	110
«Опавших тихих листьев пью прохладу...»	111
Центон	112
Рассвет	113
«Шум прибоя, гортанные возгласы чаек...»	114
«Чайки молча глядят на закат...»	115
Закат	116
Этюд	117
Танец	118
Картина	119
Розы	120
«Заблужусь я в упругих ветках...»	121
«Весна. Весна. Морозны зори...»	122
«На проспектах яблони цветут...»	123
Бомж и соловей	124
Пасха	126
Московский төрн	127
Москва	128
«Ах, август... Август на исходе...»	129
«Со мною что-то происходит...»	130
Сотовая связь	131
«Джазовой щёткой снежная крошка – в окно...» ..	132
«Уберегут вериги от тебя...»	133
«Я – в Москве... А ты не знал...»	134
«Пью горячее вино...»	135
«Виолончель – души печаль...»	136
«Ты далеко, и всё ж...»	137

Подарок	138
Апрель	140
«Всякий раз, как в первый день творенья...»	141
Сквозь потолок	142
Молитва	144
«Так вышло — я не научилась просто, мудро жить...»	145
Снег в декабре	146

ЯНТАРНАЯ БУСИНА

«Обгорела душа моя...»	148
«Растворяюсь в зрачках...».....	148
«Онемели губы...».....	149
«Я тебя люблю по письмам...»	150
«Рахманинов...»	151
«Ветер в лицо.....»	152
Игра света	153
«Ты подарил мне...»	158
«Из пунктов А и Б...».....	158
«Бездомный пёс...»	159
«Каждый путник находит...»	159
«Белый голубь...»	160
«Бубенцы-свиристели...»	160
«Бесстыжая рябина...»	161
«На заснеженной берёзе...»	161
«И негодное пианино...»	161
«Утром...»	162
«В наше время...»	162
Птицы в городе	163
«Если женщина говорит...»	164
«Отброшены страницы...»	164
«Встав на высокий каблук...»	165

«По образу, подобью своему...».....	165
Логика	166
«Теперь мы живём даже очень не хило...»	166
«Соловьи о любви молчат...»	167
«Хорошо с тобой вдвоём...»	167
«Женщины...»	167
Шерше ля фам.....	168
«По сути женщина — вьюнок...»	168
«В школьном коридоре — третьеклассница:...»	169
«Заложница-душа — в кольце отчаянья:...»	170
«Бегу, как стрелка в колесе...».....	170
«Кто мало страдал...»	171
«Тупик — не конец пути...»	171
«Голос оголяет душу.....»	171
Выбор	172
Высота	173
«На асфальте — осенняя лужа...»	174
«Мы с тобой живём в параллельных мирах:...»	175
«Задолго до того...»	176
«Когда открывается новая дверь...»	177
«У меня перед глазами небо...»	178
«Пусть осудят...»	179
«О, радостная правда бытия...».....	179
Янтарная бусина	180
«Пою высокие ноты...»	185

Литературно-художественное издание

О. В. Кузьмичева-Дробышевская
ЯНТАРНАЯ БУСИНА

ЛИРИКА

Авторская редакция
Художник: Ольга Белова-Недовизий
Дизайн, вёрстка: Виталий Павлов
Корректор: Елена Шеянова

Подписано в печать 02.12.2016 г.
Бумага офсетная. Формат 70х100^{1/32}. Усл. печ. л. 7,77.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «ИДЕЛ-ПРЕСС»

Ольга Кузьмичева-Дробышевская — поэт, прозаик, автор-исполнитель, член Союза российских писателей. Её имя хорошо известно читателю, зрителю, слушателю. Она активная участница самых знаковых литературно-музыкальных мероприятий республики Татарстан и России. Ольга выступает с чтением стихов, с проникновенным исполнением известных романсов, собственных песен на свои же стихи, а также на стихи других поэтов, её выступления любят и ждут.

16+

